

ДЖАЛИЛ МАМЕДГУЛУЗАДЕ

ПРОПАЖА ОСЛА

(из цикла “События в селении Данабаш”)

В начале ноября тысяча восемьсот девяносто четвёртого года в селении Данабаш произошло преинтересное событие. Заклучалось оно в том, что у дяди Мамед-Гасана похитили осла.

Я не сомневаюсь, что те, кто не знает об этом происшествии, не поверят мне: подумать, какое удивительное событие, чтобы ему была посвящена целая повесть. В каждом селе, каждом городе не бывает дня, чтобы не исчезал чей-нибудь осел.

Но случай с исчезновением осла дяди Мамед-Гасана не похож ни на какой другой случай. Клянусь аллахом, история похищения осла дяди Мамед-Гасана захватывающая история. Вот послушайте, я расскажу, а вы насладитесь.

Прежде всего, кто такой Мамед-Гасан?

Всякий, кто знает селение Данабаш, безусловно, знает и дядю Мамед-Гасана, так как дядя Мамед-Гасан - один из почитаемых жителей села. Мамед-Гасану будет лет этак пятьдесят четыре-пятьдесят пять - не больше. Хотя борода у него и поседела, но сам он уверяет, что, не угнетай его бедность, никто бы ему не дал более сорока лет. И он не врёт: несмотря на возраст, на щёках его горит румянец.

Много пережил на своём веку дядя Мамед-Гасан. Если рассказывать обо всем подробно, слишком долго придётся рассказывать.

Чего только ни приключалось с дядей Мамед-Гасаном, какие только беды на него ни обрушивались. Одним словом, судьба ни разу не улыбнулась этому человеку.

Дядя Мамед-Гасан был двенадцатилетним мальчиком, когда умер его отец Гаджи-Рза. Не прошло после того и двух лет, как он лишился матери. Немало добра оставил покойный родитель своему наследнику: несколько пашен, табуны коней, ковры, деньги. Но что пользы? Когда умер Гаджи-Рза, а затем его жена, Мамед-Гасан остался без покровительства, без поддержки. Его дядья за год

промотали все богатство, а отчёт дали на пальцах.

Когда Мамед-Гасан подрос и стал разбираться в окружающем, он увидел, что оказался совершеннейшим голодранцем.

Впоследствии он полюбил одну девушку, женился и, оставив молодую жену, на несколько лет уехал на заработки в сторону Эривани, хотел скопить немного денег, но и в этом его постигла неудача - вернулся он домой без денег и, купив несколько ослов, стал погонщиком. Не везло дяде Мамед-Гасану, с каждым днём дела его становились все хуже и хуже.

Тогда он отказался и от этого занятия, разделил свой хлеб пополам, пробил в прилегающей к улице половине дверь и, положив там несколько пудов муки, пшеницы, сушёного тута, пшата, стал торговать.

За этим занятием мы и застаём сейчас дядю Мамед-Гасана: кое-как сводит он концы с концами. Но что нам до его бедности, все равно он прекрасный человек, этот дядя Мамед-Гасан. Он собственной головы не пожалеет для ближнего; несмотря на бедность, никому никогда не откажет в помощи. Если кто обратится к нему с просьбой одолжить три-четыре рубля, он тотчас же достанет и даст; а если у самого не будет, все сделает, чтобы раздобыть где-нибудь, лишь бы исполнить просьбу.

Нет, в самом деле, очень хороший человек дядя Мамед-Гасан.

Дядя Мамед-Гасан далёк от мирской суеты, одно сильное желание владеет им: вот уже три-четыре года, как дядя Мамед-Гасан задумал съездить в Кербалу на поклонение праху имамов. Он крайне набожный человек, и будь у него хоть какая-нибудь возможность, он давно бы посетил гробницы обожаемых имамов. Но что делать? Бедность лишает человека возможности совершать даже благие деяния.

Короче говоря, давно уже дядя Мамед-Гасан задался целью посетить Кербалу. Не проходит года, чтобы эта благая мысль не возобновлялась у него с новой силой. И каждый раз, когда наступает пора выезда или возвращения паломников, когда он слышит голос вожака паломников - чавуша, у него из глаз слезы ручьём льются.

Что делать ему, бедняге! Да будет проклята бедность! Эта бедность, до сих пор связывает его по рукам и ногам, не даёт

сдвинуться с места.

Будет тому месяца три или четыре. Дяде Мамед-Гасану приснился сон. Проснувшись, он разбудил жену и сообщил ей, что в этом году он во что бы то ни стало должен выехать в Кербалу. Сна своего он до сих пор так никому и не рассказал. Только и отвечает на все вопросы:

- Я видел сон. Что бы там ни случилось, я должен выехать в Кербалу, поклониться гробнице о шести углах.

Итак, месяца три-четыре дядя Мамед-Гасан готовится к отъезду. Эта страсть совершенно отдалила его от других забот.

С тех пор как он решил осуществить свою давнишнюю мечту, он забросил лавку. Приготовил про запас немного ячменной и просяной муки, закупил нужных семье вещей и теперь выжидает дня выезда паломников. Раньше дядя Мамед-Гасан думал пройти весь путь до Кербалы и обратно пешком: всем известно, что пешие паломники совершают большее благо, чем едущие верхом; но затем он отказался от этой мысли - не в таком он возрасте, чтобы отшагать двухмесячный путь туда и обратно. Что же делать? Как быть? И пришлось дяде Мамед-Гасану добывать деньги: взял свои, занял у других и, сколотив таким образом нужную сумму, купил себе осла.

Конечно, осел лучше лошади. Прежде всего, он дешевле. Очень возможно, что дяде Мамед-Гасану не удалось бы добыть тридцать-сорок рублей на покупку лошади. Кроме того, если из двух паломников один поедет на осле, а другой на лошади, нет сомнения, что паломничество того, кто поехал на осле, будет принято всевышним охотнее, чем паломничество того, кто приехал на лошади.

Итак, дядя Мамед-Гасан купил осла, но осел этот оказался злосчастным.

* * *

Однажды утром, проснувшись на заре, дядя Мамед-Гасан оделся, совершил намаз и вышел пройтись по двору. Собрал кур и дал им корм, зашёл в хлев и подсыпал ослу пригоршню ячменя, затем вышел на улицу, сел на корточки у своих ворот и, набив трубку, стал курить. Немного погодя к дяде Мамед-Гасану подошли несколько крестьян таких же лет, как и он сам, и, сев рядом, достали

трубки и закурили. Все эти крестьяне были соседями Мамед-Гасана.

Посидев, покурив, покашляв, крестьяне начали беседу. Всех интересовал, конечно, вопрос о паломниках, так как собравшиеся знали о намерении дяди Мамед-Гасана. И, конечно, во время беседы часто упоминали его имя.

Беседа затянулась. Поговорили о благах паломничества, затем перешли к условиям паломничества. Крестьянин, сидевший по левую руку от дяди Мамед-Гасана, высказал такую мысль:

– Вот скажем, один взял и поехал на поклонение, потом вернулся к себе на родину. Мы пришли к этому человеку с поздравлениями, жмём ему руку и говорим: "Да примет аллах твоё паломничество". Теперь давайте выясним: помогут ему эти наши слова или нет? Могут они принести ему какую-нибудь пользу или не могут? Вот, к примеру, возьмём тебя, дядюшка Мамед-Гасан. Ты хочешь поехать на поклонение. Да сохранит тебя аллах от всех бедствий, чтобы ты вернулся в добром здравии. Конечно, когда ты, бог даст, вернёшься домой, мы все придём тебя поздравлять и скажем: "Да примет аллах твоё паломничество". Вот я и спрашиваю, будет ли тебе какая-нибудь польза от наших поздравлений и от этих наших пожеланий, или не будет? По-моему, не будет. Потому не будет, что ты уже месяц, а то и полтора тому назад своё паломничество закончил. Ежели оно принято аллахом, то при чем тут наши поздравления? А ежели не принято, то пожелания все равно не помогут. Ведь не будет же принято твоё паломничество только потому, что мы того желаем?

Сказав это, крестьянин в упор посмотрел на дядю Мамед-Гасана; остальные в задумчивости опустили головы, так как вопрос оказался очень сложным. Дядя Мамед-Гасан снова достал кисет и стал набивать трубку. Закурив, он повернулся к своему соседу слева:

- Хорошо ты говоришь, братец Мешади-Орудж! Только если бы было по-твоему, если бы было так, как ты говоришь, то не все было бы правильно, перевелись бы хорошее обращение и добрые отношения. Если кто-то поехал на поклонение, вернулся домой и никто не пошёл к нему с приветствием, то какое же это мусульманство? Предположим, я вернулся из паломничества, и что же, по-твоему, ты не должен прийти меня поздравить? Да после

этого я на тебя и смотреть не стану...

Мешади-Орудж быстро протянул руку к дяде Мамед-Гасану и, приподнявшись, прервал его речь:

– Да нет же, дядя Мамед-Гасан! Ты меня не так понял" и то, что ты сказал, не разрешает моего вопроса. Конечно, я приду к тебе с поздравлениями, да речь-то не об этом. Я только хочу знать, будет тебе какая-нибудь польза от моего поздравления или нет? Вот о чем я спрашиваю.

Дядя Мамед-Гасан снова ответил, что так или иначе поздравление имеет пользу, так как не будь его, перевелись бы хорошие отношения.

Остальные крестьяне в один голос поддержали дядю Мамед-Гасана. Хотя и сложен был вопрос, поднятый Мешади-Оруджем, но всем было как-то дико, чтобы человек вернулся из паломничества и никто не пришёл его поздравлять.

Спор на эту тему продолжался целый час, причем трубки беспрерывно дымили и перед каждым из собеседников набралась целая куча пепла.

В самый разгар беседы слева, из переулка, появился человек. Быстрыми шагами приблизился он к крестьянам, поздоровался с ними и, обратившись к дяде Мамед-Гасану, сказал:

– Дядя Мамед-Гасан, поскорее пошли мальчишку вывести осла из хлева, мне надо в город, начальник вызывает. Крестьяне поднялись и ответили на приветствие.

– Слушаюсь, слушаюсь. Сейчас я сам выведу осла! С этими словами дядя Мамед-Гасан вошёл во двор. Пока он будет выводить осла, познакомимся с этим новым человеком.

Легко догадаться, что это человек не маленький; во-первых, потому, что при виде его крестьяне в самый разгар беседы поднялись на ноги и даже поклонились ему; а во-вторых, всем ясно, что для дяди Мамед-Гасана осёл – свет очей его, ведь купил он осла для поездки в Кербалу; дни и ночи ухаживал за животным, чтобы осел не подвёл его в пути; поэтому трудно предположить, чтобы дядя Мамед-Гасан отдал осла кому-нибудь и согласился, чтобы на нем кто-то ездил. А между тем, как только человек попросил осла, дядя Мамед-Гасан с готовностью бросился исполнять его просьбу.

Так кто же он такой этот человек, и чем занимается?

Да, не маленький он человек. Это староста селения Данабаш – Худаяр-бек.

Я бы не хотел касаться его прошлого, тем более, он и сам этого не позволит...

Таков уж порядок на земле: если кто-нибудь в жизни потерпит неудачу, опустится или, будучи богатым, обеднеет, тот всегда поведёт беседу так, что начнёт говорить о прошлом: вот таков был мой отец, такова была мать, столько-то у нас было богатства, такие-то дома, почёт, уважение...

Если же кто повысится в положении, разбогатеет, добьётся почёта и уважения, тот никогда не заговорит об отце и деде. Возьмём того же дядю Мамед-Гасана. Целую неделю он может проговорить о богатстве своего отца, о почёте, которым тот пользовался, и не устанет. А Худаяр-бек даже имени отца никому не назовёт. Всякий раз, когда заходит разговор об этом, Худаяр-бек отвечает:

– Какое тебе дело, братец, до отца и матери. Умерли они, и да благословит аллах их память. Давай поговорим о нас самих.

И раз Худаяр-бек не любит вспоминать о прошлом, я не хочу обижать его. Нет мне дела до его прошлого.

Лет Худаяр-беку будет тридцать семь-тридцать восемь, не больше, а то, быть может, и поменьше того. Роста он высокого, очень высокого. В прошлом за чересчур высокий рост крестьяне даже наградили его прозвищем, но я обещал не касаться его прошлого и боюсь нарушить обещание.

Итак, он высокого роста, с черными бровями и чёрной бородой. Лицо у него тоже чёрное, очень чёрное, а глаза совсем черные, и белка в них нет ни кусочка. Бывает, когда Худаяр-бек надвигает папаху на лоб, получается прямо-таки жуткий вид: папаха чёрная, глаза черные, лицо чёрное; из-под папахи зрачки блестят. Но все бы это было ничего. У Худаяр-бека и в лице есть недостаток, большой недостаток: нос у него кривой. Не то чтобы немного кривой, нет. Бывают разные кривые носы. Я видел многих красавцев с кривым носом. А у Худаяр-бека нос крив до безобразия; в верхней части носа возвышается большая горбинка, а ниже нос, подобно

петушину гребешку, идёт круто налево. Не знаю, родился он таким или это случилось с ним позднее.

Одним словом, неважный нос у Худаяр-бека. Красивым мужчиной назвать его никак нельзя.

Два года как Худаяр-бек стал старостой в селении Данабаш. Он не просто стал старостой, как другие старосты. Обычно старосту избирает население, а Худаяр-бек стал старостой иначе. Раньше, а именно два года тому назад, Худаяр-бек был рассыльным у главы. Случилось так, что тот вступил в брак сийга с матерью Худаяр-бека. Ясно, что глава не стал поддерживать другого кандидата в старосты. Не прошло и недели, как прежний староста был отстранён от должности. Некоторое время село оставалось без старосты. И в один прекрасный день население узнало, что старостой над ним поставлен Худаяр-бек.

Став старостой, Худаяр-бек сразу резко изменился. Начал он с одежды. Обновив её и вооружившись кизиловой дубинкой, он объявил, что отныне звать его не просто Худаяр, а Худаяр-бек. Кто смел спрашивать у него, каким образом он стал беком??

Но народ знал, что беком он стал благодаря матери, которая вышла замуж за главу.

До тридцати человек Худаяр-бек посадил в кутузку только за то, что они по старой памяти называли его не Худаяр-беком, а просто старостой Худаяром.

Понукая осла, дядя Мамед-Гасан вывел его на улицу. В этот момент со двора выбежал мальчуган лет семи-восьми, без штанов, без шапки; с плачем и криком он подбежал к ослу и ухватился за его хвост. Это был сын дяди Мамед-Гасана.

– Не дам осла!.. Не дам!.. У-у-у!..

Мальчик плакал, крепко держа осла за хвост и не давая ему двинуться с места.

Дядя Мамед-Гасан – очень добрый отец и никогда бы не обидел своего сына. Он подошёл к мальчику и начал ласково увещевать и успокаивать его.

– Не плачь, сынок! К вечеру твой осел вернётся домой. Что с ним случится? Я же не продаю его. Дядя Худаяр-бек возьмёт его в город и даст ему там много ячменя...

– Нн-ет, н-нет! Не отпущу, ни за что не отпущу-у, и на шаг не отпущу-у...

С этими словами мальчик начал тихонько ударять осла прутиком по шее, чтобы повернуть его ко двору. В этот миг к мальчику сзади подошёл Худаяр-бек и огрел его дубинкой по спине.

– Ты что, собачий сын? Куда осла поворачиваешь? Или ослеп, меня не видишь? Клянусь аллахом, шкуру с тебя спущу...

С криком "вай-вай" мальчик бросился во двор, а Худаяр-бек сел на осла и поехал. Крестьяне разошлись. Проводив Худаяр-бека, дядя Мамед-Гасан, расстроенный, вернулся домой, чтобы утешить сына.

* * *

Был уже полдень, когда Худаяр-бек доехал до города.

Взяв осла у дяди Мамед-Гасана, Худаяр-бек сказал, что его вызвал начальник, но сказал он неправду. Никакой начальник его не вызывал, а было у него совсем другое дело. Если бы он ехал к начальнику, то должен был бы приехать пораньше. Он хорошо знал, что начальник бывает в канцелярии только до полудня, а в полдень канцелярия закрывается.

Нет, у Худаяр-бека было совсем другое дело.

Оставив осла в караван-сараях, Худаяр-бек вышел в город. Купив семифунтовую сахарную головку, он спрятал её под полой и двинулся к кварталу Бузхана. Пройдя некоторое расстояние, повернул налево. Тут он перепрыгнул через канавку и, остановившись перед невысокой дверью, поставил сахарную головку на землю и стал стряхивать с себя пыль.

Подняв левую ногу, он почистил брюки правой рукой, затем поднял правую ногу и почистил левой рукой. Сняв после этого папаху, он сунул в неё левую руку, а правой похлопал её со всех сторон и надел на голову. Взял сахар под мышку, кашлянул и постучал в дверь.

– Кто там? - отозвался со двора женский голос.

Худаяр-бек, не отвечая, снова постучал. Через некоторое время дверь открыла девочка лет пяти и, увидав незнакомого мужчину, захлопнула дверь и убежала.

– Мама, там какой-то большой дядя! – слышался со двора её голос.

Посмеявшись словам девочки, Худаяр-бек позвал её из-за двери:

– Девочка, кази-ага дома?

Но девочка так была перепугана видом Худаяр-бека, что не ответила. В это время дверь снова открылась, и в ней появился какой-то молодой человек. Став в дверях, он уставился на Худаяр-бека.

– Кази-ага дома?

– Дома, а что тебе надо?

– Мне надо повидать кази-агу.

Не сказав ни слова, молодой человек закрыл дверь и удалился; вернувшись через некоторое время, он предложил Худаяр-беку следовать за ним.

Наклонив голову, Худаяр-бек перешагнул через порог и спустился на две ступеньки, во двор. По-видимому, жена кази стирала белье, так как, открывая дверь, молодой человек предупредил:

– Ханум, уйди, человек идёт.

В одном углу двора стояло глиняное корыто, возле которого кучей лежало мокрое белье; грязная мыльная вода, вылитая после стирки, текла по двору и образовала у самых ворот большую лужу. Строго говоря, это был даже не двор, так как, кроме четырёх стен, тут ничего более не было; шириной двор был не более десяти, а длиной около пятнадцати шагов; у левой стены были сложены сырые кирпичи, вот и все. Вероятно, это был задний двор кази, так как в этом городе нет дома, который бы не имел садика. Так или иначе, если у кази и был ещё садик, Худаяр-бек, кроме этого заднего двора, ничего не видел.

Оставив Худаяр-бека во дворе, молодой человек скрылся в узком проходе. Через некоторое время в том же проходе появился согбенный старик. Левая рука была у него в кармане, а правой он защищал глаза от солнца.

– Что тебе надо, братец? – спросил старик, подойдя к Худаяр-беку.

– Дядя, мне надо видеть кази-агу. Дело у меня к нему.

– Откуда ты, дружище?

– Я староста селения Данабаш – Худаяр-бек. Хочу видеть кази-агу.

– А что это у тебя под мышкой, милый?

– Это сахар, принёс для кази-аги. У меня доброе дело одно, а сахар подсластит его.

Старик тем же путём ушёл обратно, а через несколько минут появился молодой человек и пальцем пригласил Худаяр-бека идти за ним. Пройдя по узкому проходу, Худаяр-бек вошёл за своим провожатым в переднюю, где снял башмаки и шагнул в комнату.

Войдя в комнату, Худаяр-бек остановился в удивлении, забыв даже поздороваться. Он удивился тому, что уже виденный им старик сидел у противоположной стены на тюфячке. Конечно, он сразу догадался, что этот старик и есть сам кази.

Кази с первого взгляда понял, что гость его не из смышлённых, поэтому не только не обиделся на него за то, что тот не поздоровался при входе в комнату, но сам встал и, приветствуя гостя, показал ему место рядом с собой.

Худаяр-бек почтительно ответил на приветствие и, пройдя в конец комнаты, сел и поставил перед собой принесённую сахарную головку. Комната кази была большая, выбеленная, с высоким потолком. Она имела по стенам тридцать семь ниш и выступов, и все они были заняты чем-нибудь: на выступах была расставлена всевозможная фаянсовая посуда, а в нишах стояло несколько самоваров, сундучок, кальян, около пяти головок русского сахара и всякая мелочь. Примерно десять ниш были заняты связками белья и одежды, в двух нишах лежали разные книги. Пол был покрыт дорогими коврами. У одной из стен комнаты стояли три больших железных сундука, на которых сложены были тканые и войлочные ковры, паласы. У другой стены были сложены завернутые в ситцевые простыни постели. Кази сидел на бархатном тюфяке и опирался на пару громадных мутаков, сложенных друг на друга.

Когда Худаяр-бек поставил сахарную головку на пол, кази повернулся к нему и сказал с улыбкой:

– Для чего этот сахар, бек? В чем дело?

– Кази-ага, у меня благое дело, - так же улыбаясь, ответил

Худаяр-бек. Сахар я принёс, чтобы подсластить беседу.

– Да будет сладкой твоя жизнь, братец мой! Наверное, хочешь совершить кябин.

– Нет, кази-ага, не кябин, а сийгу.

– Очень хорошо, сийга ещё лучше. Прекрасно, прекрасно! Да благословит аллах! А сийгу заключаешь для себя или для другого?

– Нет, кази-ага, для себя, если только уладится это дело.

Кази повернулся к двери, позвал слугу и приказал убрать сахар, приготовить кальян и подать чай. После этого снова обратился к Худаяр-беку.

– Как ты сказал? Если дело уладится?

– Да, кази-ага. Если вы сумеете как-нибудь устроить это дело, то заставите молиться за себя всю жизнь.

– А что там устраивать? Дело простое. Прочитаешь молитву о сийге – и все тут.

– Правильно изволите говорить, кази-ага, но ведь надо же, чтоб был представитель со стороны женщины.

– Ну да, конечно. Я ведь не говорю, чтобы представителя не было. И представитель должен быть и свидетели. Как же можно совершать сийгу без представителя и без свидетелей?

Худаяр-бек поник головой, подумал и тихо сказал:

– Да, верно!

– А где же твои свидетели и представитель? - спросил кази.

– Пока что нет ни представителя, ни свидетелей. Посмотрим, как все это устроится. Кази был немало удивлён.

– Так как же? У тебя нет ни представителя, ни свидетелей. Как же я могу совершить сийгу?

– Да, кази-ага, верно, совершенно верно.

– Клянусь аллахом, я ничего не могу понять из твоих слов. Если ты пришёл совершить сийгу, то надо, чтобы женщина была представлена чем-нибудь, и я бы мог прочитать молитву о сийге. Если сейчас нет налицо представителя и свидетелей, то отложим дело до другого раза, когда будут и они, тогда совершим все честь по чести. Ну, а если есть какие-нибудь иные препятствия, то тебе об этом лучше знать.

Услышав эти слова, Худаяр-бек снова задумался, потом

посмотрел на дверь и, приблизив лицо к кази, сказал ему доверительно:

– Кази-ага, правду сказать, есть одна помеха. От аллаха не скрыто и от тебя нечего скрывать...

– Ну, ну, говори, слушаем. Конечно, от меня скрывать незачем.

В это время открылась дверь и вошёл слуга, неся на подносе два стакана чаю. Он поставил чай перед кази и Худаяр-беком. Кази сделал ему знак, чтобы тот вышел из комнаты. Когда слуга удалился, Худаяр-бек начал рассказывать тихим голосом:

– Кази-ага, я вам скажу всю правду. В нашем селе есть одна вдова. Я давно задумал жениться на ней браком сийга, но она не соглашается. Не знаю, стращают её, что ли. Не пойду, говорит, и конец. Вот я и пришёл к вам рассказать об этом и попросить у вас совета. Быть может, вы поможете чем-нибудь.

В этот момент в дверь просунулась голова маленькой девочки, которая открывала ворота Худаяр-беку.

– Мама здесь? - спросила она.

Кази прикрикнул на неё, и она мигом скрылась за дверью. Слуга принёс и поставил перед кази кальян. Он хотел было задержаться в комнате, но кази опять знаком отослал его.

– Итак, что же ты хочешь? - спросил кази, закуривая кальян.

– Кази-ага, как хочешь поступи, но устрой мне это. Кази громко забулькал кальяном и, замотав головой, сказал с усмешкой:

– Значит, если ты принёс мне каких-нибудь два фунтика сахара, я должен насильно бросить женщину в твои объятия? Убирайся отсюда, наглец!

В ответ на эти слова кази Худаяр-бек приподнялся и, подняв правую руку с оттопыренным указательным пальцем, сказал:

– Слышишь, кази-ага? Клянусь аллахом, который создал нас, если ты устроишь мне это дело, я не откажусь голову сложить за тебя!

– Твоя голова, братец, мне не нужна. Пусть сохранит её аллах. Мне вот что надо, вот!..

При этих словах кази поднял руку от пола на высоту большой сахарной головки и, внимательно глядя на Худаяр-бека, подержал её в таком положении до тех пор, пока Худаяр-бек не выразил

согласия.

– И не думай, кази-ага, – сказал Худаяр-бек. – Я не из тех людей, которые бросают слова на ветер. Зачем мужчина носит папаху? Затем, чтобы его называли мужчиной. Если человек тут скажет одно, а выйдя за дверь, скажет другое, его нельзя назвать мужчиной. Ты хочешь получить одну головку сахара, я принесу тебе одиннадцать. Или денег у меня нет? Слава аллаху, у меня их достаточно, чтобы не краснеть перед такими господами, как ты. Ничуть не сомневайся. Худаяр-бек умолк.

– Да не заставит тебя аллах краснеть перед кем-нибудь! – начал кази. – Я по лицу вижу человека. Я человек пожилой. Мне ведь лет восемьдесят, а то и больше, да и опыта я набрался немало. Взглянув на человека, я сразу угадываю, что он из себя представляет. Как только я увидел тебя, сразу понял, какой ты человек. Если бы я сомневался в тебе, то не стал бы так долго разговаривать с тобой. Слава аллаху, ты человек достойный, и я не поступлю с тобой так, чтобы потом чувствовать себя виноватым перед тобой. На что мне одиннадцать головок сахара? Если ты принесёшь мне всего две головы сахара, одну голову я дам наколоть и раздать нуждающимся, а другую оставляю себе, разве только для того, чтобы подсластить дело, как ты сам выразился. Так что я приму от тебя только одну головку сахара, больше мне ничего не надо, я не жадный. Ну, конечно, если к головке сахара будет приложен ещё и фунтик чаю, то возражать не стану.

– Пожалуйста, кази-ага! С готовностью! Непременно, – заговорил Худаяр-бек. – Что ещё прикажешь? Все исполню, только как ты моё дело устроишь?

Кази, опустив голову, стал глубокомысленно перебирать чётки. Затем со словами "о аллах" встал и, порывшись в нише с книгами, выбрал одну из них в чёрном переплёте. Сел на место, нацепив очки и, открыв книгу, стал читать, беззвучно шевеля губами. Так прошло минут десять. Наконец, положив указательный палец левой руки на одну из страниц, кази повернул лицо к Худаяр-беку:

– Знаешь ли, бек, задача весьма трудная. Такие случаи встречаются очень редко. Потому и читаю в книге, чтобы выяснить, как велит шариат поступать в таких случаях.

Сказав это, кази снова углубился в чтение, наконец радостно закрыл книгу и положил её перед собой.

– С помощью аллаха я разрешу эту задачу, обязательно разрешу, очень даже легко разрешу. Итак, скажи, бек, когда принесёшь сахар и чай?

– Хоть сейчас, кази-ага, хочешь, сию минуту схожу принесу. Что мне стоит?

– Вот и хорошо, мой милый. Пойдешь принесешь сахар и чай. Затем приведешь сюда трёх-четырёх крестьян из вашего села; только надо, чтобы все они были твоими друзьями. Один из них придёт и скажет мне, что он сын той женщины и что она, то есть его мать, согласна выйти за тебя замуж и уполномочила его сказать это. Остальные крестьяне подтвердят. Вот и все. Тогда я прочту молитву о сийге, и дело будет сделано.

– Кази-ага, это же совсем легко! Что там три-четыре крестьянина, я могу пригнать из нашего села хоть сотню. Спрашивай, что тебе угодно, и они скажут то, что надо. Кто посмеет послушаться меня?

С этими словами Худаяр-бек встал.

– Пойду-ка поищу, кто из односельчан сейчас тут в городе. Когда Худаяр-бек уже собирался уйти, кази вернул его обратно.

– Погоди-ка, бек, – сказал он. – У меня два наказа тебе. Во-первых, покупая чай и сахар, ты, конечно, заплатишь за это деньги. Не так ли? Эти деньги, надо полагать, ты не в поле нашёл, а заработал в поте лица своего. Раз так, то по крайней мере отдай их за хороший товар. Времена теперь не те, всяк норовит надуть. Карапет-ага получил недавно хороший сахар, его называют сахар Бродского. Постарайся купить этот сахар. А что касается чая, то ты и сам сведущ, сумеешь купить.

– Слушаюсь, – сказал Худаяр-бек и хотел уже выйти, как кази снова остановил его.

– Милый мой, я же сказал тебе, что у меня два наказа. Об одном я уже сказал, теперь выслушай и другой, тогда можешь идти.

– Приказывай, кази-ага.

– Второй мой наказ состоит в том, чтобы все это до нашей смерти осталось между нами.

– Что ты, кази-ага? Ребёнок я, что ли? Не считай меня за такого простофилю.

– Выслушай, дай договорить. Итак, значит, это дело должно остаться в секрете...

– В чем остаться, кази-ага?

– Ну, должно остаться в тайне, никто о нем не должен знать. Люди, которых ты приведёшь, должны быть настолько близки тебе, чтобы никому не выдали этой тайны. Ты не думай, что в этом деле есть какое-нибудь нарушение шариата. Нет! Дело в том, что подобные случаи очень редки, и если кто узнает об этом, может подумать, что мы нарушили шариат, Вот почему все, что мы здесь совершим, должно остаться между тобой, мной и свидетелями. Понял? Ну, теперь, можешь идти.

– Слушаюсь и повинуюсь, кази-ага! Конечно, ты правильно изволишь говорить.

Сказав это, Худаяр-бек вышел от кази и направился в город.

Худаяр-бек, радостный и довольный, дошёл до базарной мечети, спустился к речке, совершил предмолитвенное омовение, затем зашёл в мечеть помолиться и после намаза вышел на базар. Пройдя по крытому базару, он отыскал указанную кази лавку Карапет-аги. За стойкой сидел тучный армянин и что-то писал. Оглядев все углы большой лавки, Худаяр-бек достал трубку и начал набивать её. Карапет-ага положил ручку и стал удивлённо наблюдать за покупателем. Набив трубку, Худаяр-бек подошёл к стойке Карапет-аги, достал из-за пазухи кусочек трута и, протянув Карапет-аге, сказал:

– Потрудись зажечь спичку, дать мне огня.

– Ты что? – сердито отвечал Карапет-ага. – Тут тебе не кофейня. Убирайся к чертям, осёл ты этакий! Вон отсюда!

Произнося эти слова, Карапет-ага так зло оглядел Худаяр-бека, словно хотел выпрыгнуть из-за стойки и растерзать его.

Оробевший Худаяр-бек попятился назад. Он был крайне озадачен суровым обращением Карапет-аги. Откуда было ему знать, что тот может не подать ему огня. У себя, в селении Данабаш, Худаяр-бек ни от кого не получал такого ответа. Кто бы там посмел, видя, что Худаяр-бек достаёт трубку, не зажечь трута и не поднести

ему? Но что поделаешь?! Селение Данабаш осталось там, а здесь город.

Худаяр-бек насупился, придал лицу обиженный вид и ответил Карапет-аге:

– Зря ты кричишь, хозяин. Я не затем пришёл, чтобы ограбить твою лавку, а за покупкой. Стало быть, напрасно ты кричишь на меня. Я пришёл к тебе купить сахар.

– Так что же, по-твоему, если ты пришёл купить у меня полфунта сахара, то мне надо целовать тебе руки, что ли?

Худаяр-бек высыпал табак из трубки обратно в кисет, воткнул трубку за пояс и сказал:

– Прежде всего хозяин, ты узнай, кто я такой, а затем уж кричи на меня. Я не из тех, за кого ты -меня принимаешь, я не стану приходить и беспокоить тебя из-за полфунта сахара. Я староста селения Данабаш, Худаяр-бек, и не за полфунтом сахара пришёл к тебе. Я пришёл купить у тебя целую головку сахара, большую головку.

Карапет-ага немного смягчился.

– Пожалуйста, добро пожаловать. Я же не говорю тебе: зачем ты пришёл купить у меня голову сахара? Я только хочу сказать, что ты поступил нехорошо, протянув мне трут, когда я был занят письмом. Из-за тебя я совершил теперь ошибку и осложнил себе работу. Мне придётся после твоего ухода снова переписать все это.

– Ну, что было, то прошло. Теперь скажи, почём отдашь мне сахар.

Приподняв доску прилавка, Карапет-ага вышел из-за стойки и, подойдя к поставленным в углу головкам сахара, положил руку на одну из них.

– Вот, брат мой, бек! – сказал он. – Это наилучший сахар. Отдам я его тебе за семь рублей и десять копеек. Это первый сорт!

– Да что ты, шутишь, что ли? Повсюду сахар продают за семь рублей, а ты что, заработать на мне хочешь?

– Где это продают за семь? Нигде этого не делают, клянусь верой. Дешевле семи рублей и десяти копеек никто не отдаст.

Помолчав немного, Худаяр-бек полез за трубкой и начал снова набивать её табаком. Карапет-ага зажёл спичку.

– Ладно, ладно! - сказал Худаяр-бек, закуривая. - Я заранее знал, что ты продаёшь дороже всех. Ничего не поделаешь. Пусть будет по-твоему. Возьми-ка одну головку и взвесь, сколько потянет.

Карапет-ага взял одну из самых больших головок сахара и поставил на весы.

– Это десять, ещё десять – двадцать. Это пять, ещё три, ещё два и вот ещё полфунта. Итого значит, тридцать с половиной фунтов. Тридцать фунтов составит тридцать абасов, то есть шесть рублей, долой сорок пять копеек, итого будет пять рублей пятьдесят пять копеек...

Подсчитав стоимость товара, Карапет-ага снял сахар с весов и поставил на землю.

– Значит, теперь ты меня узнал, Карапет-ага?

– Как то есть узнал?

– Я спрашиваю, теперь ты узнал, кто я?

– А кто ты?

– Я староста селения Данабаш, Худаяр-бек.

– А я второй гильдии купец, Карапет-ага.

– Да благословит аллах память твоего родителя! Я к тому все это говорю, что теперь развелось множество лживых людей. Зайдет такой человек в лавку и, поторговавшись, начнёт клясться и аллахом и пророком, что через три дня принесёт деньги. И три дня превратятся в три месяца, а то и в три года. Пусть лучше убьёт меня аллах, чем допустит до такого падения. Правду сказать, сегодня как-то случилось, что я приехал в город без денег. Сейчас я унесу сахар, и завтра рано утром твои пять пятьдесят пять будут у тебя.

Услышав это, Карапет-ага быстро отнёс сахар на прежнее место и, подойдя к Худаяр-беку, положил руку ему на плечо, а левой показал на дверь.

– А ну-ка, пошёл отсюда! Живо! Сию же минуту вон отсюда...

Ни слова не говоря, Худаяр-бек вышел из лавки.

До вечернего азана оставалось всего полчаса, когда Худаяр-бек вернулся в караван-сарай, где оставил осла.

Едва он появился у дверей, как к нему вышел невысокого роста мужчина в бязевом архалуке, серой папахе и белых штанах.

– Послушай, – сказал мужчина сердито. – Да благословит аллах

память твоего родителя, избавь нас от лишних хлопот с этим животным. Хватит с нас неприятностей. Я сейчас выведу осла. Ради аллаха, уведи его, куда хочешь.

С этими словами содержатель караван-сарая пошёл к конюшне, но Худаяр-бек остановил его.

– погоди, куда ты идёшь? О чем ты говоришь, какие там неприятности? Или осел не уживается с другими животными? Не может этого быть, осел у меня смирный, зачем наговариваешь на него?

– Ради аллаха, брось шутки, - начал кричать содержатель караван-сарая, размахивая руками. – Мне не до шуток. Сейчас выведу осла, и уберу его отсюда.

Худаяр-бек тоже стал кричать:

– Да что ты за человек! Скажи мне наконец, в чем дело?

– А в том дело, что ты привёл ко мне в караван-сарай краденного осла. Что ты, насолить мне решил, что ли?

– Да ты что – спятил или вина хватил? Как это краденного осла? Вор я, что ли? Ты придержи язык, не то, клянусь аллахом, потом пожалеешь...

– Милый человек, разве не мог ты найти другого осла, обязательно должен был взять осла дяди Мамед-Гасана? Из-за него у нас тут целый скандал...

– Какой скандал? Говори толком.

– Какие бывают скандалы? Не успел ты привязать осла и уйти, как сынишка дяди Мамед-Гасана стрелой ворвался в конюшню и давай тащить осла. Но как я мог отдать осла? Что ещё сказать... Мальчик убивается, ревмя ревет: или отдай мне моего осла, или я тут же, при всех, покончу с собой. Не смог, я с ним справиться и пошёл за городным. Тот отлупил парнишку и насилу выволок из конюшни.

– Вот жалость – меня здесь не было. Клянусь аллахом, я бы его на месте уложил. Разве я отпустил бы его отсюда живым? И почему только ты не позвал меня?! Теперь уже поздно. Темнеет, я не смогу вернуться в селение. Придется остаться, и осел, конечно, останется. Сегодня я буду твоим гостем, дядя Кербалай-Джафар.

– Будь гостем, с радостью приму тебя. Конечно, теперь уже

поздно ехать. Совсем темно. Чего ж ты стоишь здесь, проходи, пожалуйста, в комнату.

Кербалай-Джафар привёл Худаяр-бека в маленькую тёмную каморку, чиркнул спичкой и зажёг висевшую на стене лампу.

Пол каморки был наполовину покрыт паласом. У стены, против входа, лежала опрятно свёрнутая постель; в одном углу стояли большой кувшин для воды, кувшинчик для омовения и веник. Грязные стены не имели ни выступов, ни ниш.

Сняв башмаки, Худаяр-бек сел на палас, прислонился спиной к постели и достал трубку. Набив её табаком, он позвал Кербалай-Джафара.

– Поди сюда и заодно дай мне огня. Да иди же, потолкуем о том о сем.

Кербалай-Джафар также снял башмаки и, подсев к Худаяр-беку, зажёг спичку, дал ему закурить.

– Эх, дядя Кербалай-Джафар! – заговорил Худаяр-бек, дымя трубкой. – Не должен был ты рассказывать мне об этой истории; ведь словно стрелу в сердце вонзил. Да проклянёт аллах родителя дяди Мамед-Гасана! Опозорил меня при всем народе. Сколько лет прожил, а никогда ещё так опорочен не был.

Сказав это, Худаяр-бек приподнялся и протянул трубку Кербалай-Джафару. Со словами "о аллах" – тот принял трубку и, затянувшись, сказал:

– Правильно изволишь говорить, Худаяр-бек! Только что было делать бедному дяде Мамед-Гасану, он ведь ни при чем. Если бы ты предупредил его, когда брал осла, ничего бы этого не случилось. Он бы знал, что осла взял ты, и не послал бы сына.

– Клянусь твоим именем, осла он мне сам дал. Он дал, этот нечестивец, этот Омар. Почему ты не хочешь мне верить?

– Зачем не верить, я тебе верю.

– Клянусь Кораном, он сам отдал. Что же в самом деле я не мог другого осла найти? Я, староста трехсот дворов, стал бы тайком брать чужих ослов?

– Да нет же, я верю. Как можно не верить!

Сказав это, Кербалай-Джафар приподнялся и протянул трубку обратно Худаяр-беку. Тот затянулся раза два и проговорил:

– Теперь ты сам увидишь, дядя Кербалай-Джафар. Если я не отомщу дяде Мамед-Гасану, то сбрею вот эту бороду.

– Но что ты можешь ему сделать? – спросил Кербалай-Джафар, усмехнувшись.

– Глаза ему бельмами покрою, вот что я ему сделаю. Не я ли старший над ним? Дня не бывает, чтобы он ко мне за делом каким-нибудь не обратился. Повалю в грязь под ноги и растопчу! Вот что я сделаю.

В комнату вошёл мальчик лет десяти-двенадцати, неся в руке глиняный котелок. Он поставил котелок на землю перед Кербалай-Джафаром и сказал:

– Отец, сегодня мама немного пережгла мясо. Попробуйте. Хорошо, если сможете кушать...

– Ах, чтобы в могилу отца твоей матери... – гневно начал Кербалай-Джафар. – Велик аллах! Проклятье шайтану! Что за несчастье нашло на меня. Дня не бывает, чтобы эта собачья дочь не пережгла мясо или не дала его утащить кошке...

– Нет, отец, мама тут ни при чем, – сказал мальчик тихо, наклонившись к отцу. – Она ходила сегодня в баню и поручила Гонче присмотреть за мясом. А Гонча чем-то занялась, недосмотрела, мясо и пригорело.

– А что случилось? – заворчал Кербалай-Джафар. – Пусть баня обрушится на голову твоей матери, надо ей было идти в баню непременно сегодня?

– А когда же ей было пойти в баню? – с удивлением спросил мальчик.

Худаяр-бек был очень голоден; после выезда из села он ничего не ел, только у кази выпил стакан чая. Когда мальчик внёс котелок, запах бозбаша приятно защекотал ноздри Худаяр-бека и, он мысленно послал на жену Кербалай-Джафара тысячу проклятий. Видя, что пререкания между отцом и сыном затянулись, Худаяр-бек вмешался в разговор, чтобы поскорее приступить к еде.

– Дядя Кербалай-Джафар! – сказал он, придвигая котелок к себе. – Клянусь аллахом, что ни говори, а по-моему, мальчишка что-то не то говорит. Мясо вовсе не пригорело, разве только чуточку. Бозбаш прекрасно пахнет.

Кербалай-Джафар встал и, принеся жёлтую деревянную ложку, сел на корточки перед котелком, снял с него крышку и, зачерпнув ложкой мясного бульона, хлебнул, причмокнул губами, насупил брови и мрачно сказал:

– Нет, брат, это есть нельзя...

И начал снова жаловаться на жену и ругать её. Наконец он разостлал на полу скатерку, накрошил хлеба в миску и, засучив правый рукав, опрокинул в миску содержимое котелка. Затем он положил обратно в котелок мясо и, помешав обеими руками накрошенный в бульон хлеб, предложил Худаяр-беку приступить к еде.

– Бисмиллах, Худаяр-бек! Придвинься, ближе. Правда, мясо немного пригорело, но уж такое, видно, твоё счастье, ха-ха-ха!

Подсев ближе, Худаяр-бек протянул руку к миске. Съев несколько кусочков, он сказал:

– Клянусь аллахом, дядя Кербалай-Джафар, ты несправедлив. Да кто скажет, что это мясо пригорело? Ей-богу, вовсе не пригорело. Какой бозбаш может быть лучше этого?

Худаяр-бек лгал. Прежде всего он был очень голоден, а голодному и пригоревшее мясо может показаться вкусным. Кроме того, он ел городской бозбаш, а между городским и деревенским бозбашем большая разница. Городской бозбаш, даже с пригоревшим мясом, вкуснее, чем самый лучший деревенский.

Итак, Худаяр-бек и Кербалай-Джафар занялись едой. Постояв немного около них, мальчик ушёл. Худаяр-бек сидел, вытянув левую ногу вперёд и подняв колено правой ноги, так что. правая ступня его лежала на скатерти. А Кербалай-Джафар сидел на коленях, всем корпусом навалившись на еду и чуть не касаясь носом миски.

Когда с ужином было покончено, Кербалай-Джафар убрал скатерть и отставил в сторону посуду. Они вытерли руки и сели на свои прежние места. Худаяр-бек крикнул, достал трубку и, покурив немного, протянул её Кербалай-Джафару.

– Дядя Кербалай-Джафар, – сказал он при этом, – мне нужны деньги, семь рублей. Как хочешь, но ты должен достать мне эту сумму.

– Клянусь пророком, – тотчас же ответил Кербалай-Джафар, – у

меня таких денег нет. Если б были, я бы для тебя не пожалел.

– Если у тебя нет, найди у другого. Словом, ничего знать не желаю, где хочешь, достань.

– Ты правильно говоришь, – сказал Кербалай-Джафар, немного подумав, – но время сейчас не такое. Где теперь найдешь доброго человека, чтобы помог, поддержал ближнего. К кому бы ты ни пошёл и ни сказал, что нужно семь рублей, тотчас же ответит: принеси-ка мне залог в семнадцать рублей...

– Это ничего, – прервал его Худаяр-бек, – ты только найди мне человека, который даст мне семь рублей, я ему оставлю залог. Что ещё можешь сказать?

– А что ты имеешь при себе, чтобы отдать в залог? – спросил Кербалай-Джафар, немного подумав.

– Это тебя не касается. Ты мне найди деньги, тогда увидишь, какой залог я оставлю.

– Как же можно, чтобы я не знал, какую вещь ты хочешь оставить в залог. А если работодатель не примет твоего залога?

Худаяр-бек в раздумье начал снова набивать трубку.

– Дядя Кербалай-Джафар! – сказал он немного погодя. – У кого хочешь займи для меня семь рублей, а осел пусть будет залогом. Когда я принесу деньги, тогда и осла возьму.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Кербалай-Джафар. – Ха-ха-ха! Да ты же шутник, Худаяр-бек! Ха-ха-ха! Ну и рассмешил ты меня.

– Чего же ты смеёшься, братец? Какой дьявол тут шутит с тобой?

– Ха-ха-ха! Да ведь осел-то не твой, как же ты можешь оставить его в залог? Ты-то, конечно, можешь оставить, но завтра же утром придёт хозяин и уведёт своего осла. Ха-ха-ха!..

– Да ты погоди, чего разошёлся? Лучше выслушай. Клянусь аллахом, я не шучу. Ну, скажи, на каком основании хозяин может требовать у тебя осла? При ком этот хозяин поручил тебе его? Допустим, что он придёт и скажет: дескать, осел мой здесь, отдай моего осла. А ты спросишь: при ком ты приводил осла в мой караван-сарай? Или, положим, спросит тебя: куда девался осел? Ты ему скажешь: кто приводил осла, тот и увёл его. А уж там я как-нибудь сам отвечу хозяину осла. При чем тут ты?

Сказав все это, Худаяр-бек протянул трубку Кербалай-Джафару.

Тот взял её и начал курить.

Долго они судили, рядили и наконец пришли к соглашению, что Кербалай-Джафар даст Худаяр-беку семь рублей, а тот оставит ему осла в полное его распоряжение. Захочет - продаст или спрячет где-нибудь, словом, сделает с ослом все, что ему угодно. Худаяр-бек вернётся в селение и скажет, что осла украли из караван-сарая. Если дядя Мамед-Гасан начнёт спорить и скандалить, Худаяр-бек поклянется ему, что подал жалобу мировому судье и требует осла у содержателя караван-сарая. Если же дядя Мамед-Гасан придёт в город и начнёт расспрашивать Кербалай-Джафара, тот побожится, что действительно осел похищен, и, что Худаяр-бек в этом не виновен.

Когда порешили на этом, Кербалай-Джафар вышел из комнаты и, вернувшись через некоторое время, сел на своё место, достал из бокового кармана одну пятёрку и две рублёвки и положил их перед Худаяр-беком. Тот взял деньги, спрятал их в карман и, немного приподнявшись, протянул Кербалай-Джафару руку.

– Дай руку!

Кербалай-Джафар подал ему руку.

– Дядя Кербалай-Джафар! Да сохранит аллах твоего сына, да продлит аллах твою жизнь! Дай бог тебе выгоду в этой сделке.

Сытый и довольный, с семью рублями в кармане, Худаяр-бек спокойно заснул. Его сон никогда еще, наверное, не был так сладок.

На свете иногда, пожалуй, даже довольно часто, бывают удивительные случаи. Например, сейчас, когда Худаяр-бек, растянувшись здесь, спит крепким сном, в селении Данабаш в трёх домах царит траур. И всему виной Худаяр-бек.

Нет, в самом деле презабавное происшествие, замечательное происшествие! Оно замечательно тем, что вызывает смех, и на душе становится легко. И то, к чему рассказы, наводящие грусть и тоску?

Итак, сейчас, даже сию минуту, в селении Данабаш в трех домах безысходное горе. Один из этих домов принадлежит, как не трудно догадаться, дяде Мамед-Гасану, другой - дом самого Худаяр-бека, а третий - дом Зейнаб, вдовы, на которой Худаяр-бек задумал жениться.

Пока Худаяр-бек спит в городе, мы перенесемся в селение

Данабаш, начнем с траура в доме Зейнаб и дойдем до дома Мамед-Гасана.

Зейнаб - смуглая, полная женщина лет сорока-сорока двух. Муж ее Кербалай-Гейдар умер два года назад, оставив сына Велигулу, семнадцати лет, и двух дочерей - Физзу, семи лет, и Зибу - четырех.

Ах, Зейнаб, Зейнаб! Где прежняя Зейнаб? Кто видел ее два года назад, теперь ее не узнает. Зейнаб надо было видеть при жизни мужа, при Кербалай-Гейдаре. По красоте она была первой во всем селении Данабаш.

В раннем детстве Зейнаб осталась круглой сиротой. Тетка взяла ее на воспитание, с тем чтобы впоследствии женить, на ней своего сына. Но вскоре сын ее умер, а о красоте Зейнаб пошли разговоры по всему селу. От свах не было отбоя. Знающие люди рассказывают, подкрепляя свой рассказ клятвой, что в течение одного года Зейнаб сватали четырнадцать женихов, и все из хороших семейств. Наконец, по воле судьбы, ее выдали замуж за Гейдара. И неплохо сделали, выдав ее именно за Гейдара, так как отец Гейдара, Кербалай-Исмаил, считался одним из почетных людей на селе и Гейдар не уступал другим домогателям ни своим богатством, ни уважением, которым он пользовался.

Спустя три года после того, как Зейнаб вышла за Гейдара, его отец Кербалай-Исмаил умер, оставив наследство - девять ослов, несколько голов крупного рогатого скота, двадцать три овцы, семь коз и землю на два халвара. Половина этого наследства досталось Гейдару, а половина - его брату Рзе.

Через год умер и Рза, доля которого перешла также к Гейдару. Дела Гейдара шли прекрасно, доходов он получал много, но и расходов было немало. Он устроил богатые поминки по отцу и брату, потом отправил их останки в Кербалу. Это ему обошлось недешево.

После этого он сам отправился в Кербалу и стал Кербалай-Гейдаром. Расходы сильно пошатнули его состояние. Ничего удивительного. Он сам считал, что посылка останков отца и брата на погребение в Кербалу и его собственное паломничество обошлись ему ровно в двести рублей. Однако аллах милостив. Эти деньги были затрачены Кербалай-Гейдаром на благое дело,

поэтому творец своей всемогущей рукой вновь поправил его дела. Настолько поправил, что когда Кербалай-Гейдар умер, на его похороны и поминки по нем была затрачена круглая сумма в семьдесят рублей и, кроме того, вдове Зейнаб досталось двести пятьдесят рублей, сыну - сто сорок и каждой из дочерей - по сто рублей. Земли свои он завещал жене и дочерям, а дом оставил сыну Велигулу.

Смерть Кербалай-Гейдара была огромным горем для Зейнаб. Она горько оплакивала его. Даже теперь каждый четверг она отправляется на могилу мужа и плачет, убивается.

Да, мало можно найти таких верных жен!

Вместе с тем Зейнаб никогда не ропщет на аллаха. Терзаемая горем, заливаясь слезами, она никогда не забывает благодарить аллаха за то, что тот даровал ей кусок хлеба и сделал независимой от кого бы то ни было. Кроме того, у нее сын-жених да две дочери. Слава аллаху, она ни в чем не испытывает недостатка.

Зейнаб очень довольна сыном. И сын очень ее уважает, быть может, даже больше, чем отца. Велигулу обходителен не только в обращении с матерью, но и со всеми окружающими. Кажется, скажи ему мать - умри, он умрет, не издав ни звука. Со дня смерти отца не было ни одного случая, чтобы Велигулу, бросив свои дела, связался с товарищами и пошел гулять или веселиться. Надо отдать справедливость, Велигулу очень смирный, тихий юноша. До этого дня Зейнаб ни на волосок не была недовольна им, но за последнее время отношения у них сильно испортились, и случилось это вот как.

Надо рассказать все с самого начала.

Покойный Кербалай-Гейдар и Худаяр-бек были большими друзьями. С самых малых лет до смерти Кербалай-Гейдара они дружили, души не чаяли друг в друге. В их взаимном обращении была какая-то особая нежность. Дни и ночи они вместе гуляли, вместе ели, вместе пили, вместе садились и вместе вставали. Дружба их дошла до того, что люди начали подозрительно коситься на них. Каждый старался объяснить их дружбу по-своему. Одни говорили, что друзья занимаются контрабандой, перевозят с того берега товары и сообща сбывают их. Но это было не так. Про Худаяр-бека

ничего не могу сказать, но что касается Кербалай-Гейдара, то он и на лошадь не мог сесть. Нет, дело было вовсе не в том.

Другие говорили, что они делают фальшивые деньги. Не правда ли, удивительно? Селение Данабаш - и фальшивомонетчики. Подумайте только, кто бы мог в селении Данабаш отличить фальшивые деньги от настоящих? Да нет, и это отпадает.

Одним словом, каждый толковал их дружбу по-своему. Пускай люди думают, что хотят, но дружба между Кербалай-Гейдаром и Худаяр-беком выглядела весьма и весьма крепкой.

Это случилось давно. Была зима. После заката солнца прошло часа три-четыре. Оба друга, а именно покойный ныне Кербалай-Гейдар и Худаяр-бек, и, кроме них, еще несколько человек из соседей сидели в конюшне Кербалай-Гейдара и вели мирную беседу.

Всем известно, что всю долгую зимнюю ночь проспать невозможно, поэтому издавна в селении Данабаш существует такой обычай: жители каждого квартала, не имея никаких дел и занятий, собираются у кого-нибудь в конюшне и коротают время в беседах, разговорах. Часто бывает, что один из собравшихся рассказывает какую-нибудь занимательную историю, а остальные слушают.

Итак, Худаяр-бек вместе с несколькими односельчанами сидел в конюшне у Кербалай-Гейдара и слушал рассказ.

Молла селения Данабаш Пиргулу читал какую-то историю из книги "Бахтиярنامه", и все присутствовавшие внимательно слушали его.

Случилось так, что жены обоих друзей были беременны и у обеих этой ночью начались схватки.

Молла читал самое интересное место, когда со скрипом открылась дверь и в конюшню вошли два мальчика с девочкой. В конюшне был полумрак, и вошедшие не могли сразу увидеть того, кого искали, поэтому они подошли близко к сидевшим и, разглядев среди них Кербалай-Гейдара, окружили его и стали просить муштулук.

- Дядя, дай муштулук, у тебя родился сын, дай муштулук, ну дай же, дай!..

Кербалай-Гейдар сунул руку в карман и, положив в ладонь

каждого из добрых вестников по горсточке сушеных фруктов, отпустил их. Все поздравили Кербалай-Гейдара, и молла продолжал чтение.

Худаяр-бек также поздравил своего друга и, не слушая рассказчика, о чем-то задумался, затем обернулся вдруг к Кербалай-Гейдару и, протянув к нему руку, позвал его. Молла прекратил чтение и устался на Худаяр-бека.

- Брат мой, Кербалай-Гейдар! - сказал Худаяр-бек. - Дай мне руку.

Кербалай-Гейдар протянул ему руку; приятели сидели поодаль друг от друга, поэтому им пришлось немного приподняться на месте, чтобы соединить руки.

- Братец Кербалай-Гейдар, - сказал тогда Худаяр-бек. - Милый мой, свет моих очей! У тебя родился сын, да сохранит его аллах. Братец, сейчас и моя жена рожает; наверно, и сам ты знаешь об этом. Давай при этих свидетелях заключим с тобой такой уговор. Если сейчас придут и сообщат, что у меня родился сын, то тут же мы наречем их братьями, чтобы и они стали такими же братьями, как я с тобой. Если же родится у меня дочь, то наречем их женихом и невестой.

Первым выразил свое согласие на это молла; одоблив предложение Худаяр-бека, он произнес по-персидски какую-то фразу и тут же перевел ее:

- Очень хорошо! В обоих случаях предложение идет на пользу ислама. Отлично, превосходно!

Молла-Пиргулу хорошо знал, что никто из присутствующих не поймет сказанного им по-персидски изречения, а если кто и поймет, то в лучшем смысле, в том смысле, что эта сделка в обоих случаях полезна исламу.

Под исламом молла подразумевал себя; он знал, что, родись у Худаяр-бека дочь, ему, молле, придется читать молитву о сийге, за что он получит подарок; то же самое произойдет в том случае, если родится мальчик; стало быть, кто бы ни родился, выгода молле.

Итак, обет был дан. Вскоре сообщили, что у Худаяр-бека родилась девочка. Кербалай-Гейдар назвал своего сына Вели-гулу, Худаяр-бек свою дочь - Гюльсум.

В ту же ночь Молла-Пиргулу прочитал молитву о сийге, и Гюльсум стала нареченной Велигулу. После этого дружба между Кербалай-Гейдаром и Худаяр-беком стала еще крепче, они стали близкими родственниками и дни и ночи пропадали друг у друга.

Смело можно сказать, что даже родные братья не могли быть так ласковы друг с другом, как они.

До самой смерти Кербалай-Гейдара их дружба ничем не омрачалась.

Зная их взаимную любовь, люди были уверены, что смерть Кербалай-Гейдара потрясет Худаяр-бека, но милейший Худаяр-бек повел себя так, что потрясенными оказались люди. А сделал он вот что: не успел Кербалай-Гейдар испустить дух, как Худаяр-бек послал сказать его вдове Зейнаб, чтобы она и не помышляла выходить замуж за кого-либо, кроме него.

Почему?

Потому что Кербалай-Гейдар якобы завещал ему, Худаяр-беку, жениться на Зейнаб, и он ни в коем случае не позволит, чтобы она вышла за кого-нибудь другого.

Как только слух о домогательстве Худаяр-бека распространился по селу, народ сразу понял, что дружба между Кербалай-Гейдаром и Худаяр-беком была основана не на печатании фальшивых денег и не на занятии контрабандой; все поняли, что они любили не друг друга, а скорее, жен друг друга. Кто знает, быть может, если бы раньше умер Худаяр-бек, то Кербалай-Гейдар захотел бы жениться на его вдове.

Посланцу Худаяр-бека Зейнаб ответила, что он ей не чета и такого как Худаяр-бек, она и в слуги себе не взяла бы.

Зейнаб послала Худаяр-беку такой ответ потому, что тело ее мужа, быть может, еще не успело остыть в могиле, и незачем ей было, еще не сняв траура, пускаться в поиски нового мужа.

Такой ответ она послала Худаяр-беку еще потому, что тотчас после смерти Кербалай-Гейдара Зейнаб получила такое же предложение от двух почтенных и достойных людей. Один из них был всеми уважаемый в селении Данабаш Гаджи-Гамза, а другой глава селения Чарчи - Халыкверди-бек. Им обоим Зейнаб велела передать, что о новом замужестве она и не думает.

В-третьих, Зейнаб ответила Худаяр-беку так, потому что какая бы женщина ни была, бедная или богатая, молодая или старая, красивая или некрасивая, она скорее согласилась бы навеки остаться без мужа, чем сделаться женой такого уроды, как Худаяр-бек.

Все это были подлинные слова Зейнаб, сказанные ею посланцу Худаяр-бека.

Тем не менее Худаяр-бек не терял надежды; он все еще думал, что смягчит и уговорит Зейнаб. Особые надежды он возлагал на Велигулу. Он точно знал, что тот давно уже любит его дочь - Гюльсум и последнее время поговаривает даже о свадьбе. Раз так, значит, незачем терять надежду. Худаяр-бек полагал, что Велигулу как-нибудь уговорит мать и добьется ее согласия на брак с ним.

Первое время Велигулу вовсе не интересовало новое замужество матери. Какое, дескать, ему дело? За кого бы мать ни вышла замуж, лишь бы его нареченная Гюльсум была здорова! Велигулу был по уши влюблен в свою невесту, а дело приняло совершенно неожиданный оборот.

Видя упорное нежелание Зейнаб выйти за него замуж, Худаяр-бек послал передать ей, что, во-первых, он отныне не хочет выдавать свою дочь за Велигулу, а во-вторых, покойный Кербалай-Гейдар остался ему должен двести рублей по векселю и необходимо, чтобы Зейнаб и Велигулу вернули ему, Худаяр-беку, эти деньги и не доводили дела до суда.

На эти новые притязания Худаяр-бека Зейнаб ответила, что если он не хочет выдать свою дочь за ее сына, то и она отказывается от нее. Что же касается денег, то, если Кербалай-Гейдар остался ему должен, то пусть с него и взыщет свои деньги.

Велигулу ничего не знал об этом, так как в этот день он сеял в поле. Вернувшись с работы и загнав скотину в хлев, он вошел в комнату и, увидев мать расстроенной, спросил о причине ее плохого настроения.

Зейнаб сидела на коленях в углу и вязала чулок. Она казалась очень грустной. Слева около нее полулежала ее дочь Физза и не сводила глаз с матери. Поодаль на голом полу играла младшая девочка, Зиба.

Когда вошел Велигулу, Зейнаб подняла на него глаза, потом еще

ниже опустила голову и провела кончиком головного платка по глазам. Велигулу сразу понял, что мать плачет. Он присел в стороне и как все усталые люди прислонился к стене и вытянул ноги.

- Мама, что с тобой, ты плачешь?

Зейнаб подняла голову. Слезы, как утренняя роса, увлажнили ее ресницы.

- Нет, сынок, не плачу. С чего мне плакать?

Зейнаб старалась скрыть слезы от Велигулу, чтобы не расстроить его, но по голосу ее можно было догадаться, что наплакалась она вволю.

Физза, приподнявшись, села и, тоже готовая расплакаться, сказала брату:

- Братец, ей-богу, мама говорит неправду, она все время плакала, мы тоже плакали. Давеча...

Девочка хотела еще что-то добавить, но мать остановила ее:

- Довольно, довольно, знаем, что скажешь! Нечего вздор молоть. Ей-богу, Велигулу, ничего особенного не случилось. Осталась я одна, и как-то взгрустнулось, вот и всплакнула. Ничего такого нет.

- Я боюсь, мать, что траур твой до второго пришествия не кончится. Разве можно плакать столько, сколько ты плачешь? Сама подумай, сколько лет прошло, как умер отец...

- Братец, приходила какая-то женщина и сказала, что дядя не хочет выдавать Гюльсум за тебя. Потому мама и плачет... - начала было рассказывать Физза, но Зейнаб сердито прикрикнула на нее:

- Ну-ка уходи отсюда, Айша, убирайся...

Физза приподнялась, но снова села.

- Мама, - сказал Велигулу, - ей-богу, я вижу, что у тебя какие-то неприятности; только не знаю, зачем ты скрываешь от меня. Что это за женщина приходила сюда?

- Тетя Сакина приходила. От Худаяр-бека. Дескать, Худаяр-бек сказал, что, во-первых, раздумал выдавать дочь за Велигулу, а во-вторых, якобы Кербалай-Гейдар при жизни задолжал ему двести рублей. Велит отдать, чтобы до суда не дошло.

Некоторое время все молчали. Физза по-прежнему полулежала, переводя глаза с матери на брата и с брата на мать. Зибба продолжала играть, что-то напевая себе под нос. Это сильно

раздражало Велигулу, который и без того был достаточно расстроен и искал только повода, чтобы разразиться бранью.

- Ах ты, собачье отродье! Время нашла, нет? Такое у нас настроение, а она... Убирайся отсюда. Пошла во двор!

Услышав крик, Зиба тотчас же встала, посмотрела на мать и, закрыв лицо руками, заплакала. Она словно искала помощи у матери, зная, что всегда получит эту помощь.

- Не плачь, деточка, не плачь! Иди ко мне! Иди! Свет погас для нас в тот день, когда умер ваш отец. Иди, иди ко мне, сядь рядышком...

Велигулу молчал, низко опустив голову и вертя в руке соломинку. Физза посмотрела на Зибу, закрыла лицо руками и тоже принялась плакать.

- А что ты сказала тете Сакине? - спросил Велигулу, повернув лицо к матери.

Мать не ответила.

Девочки перестали плакать. Зиба села на колени к матери, а Физза, крепко обняв мать, с удивлением смотрела на брата. Зейнаб не ответила сыну. Тогда Велигулу сказал, повысив голос:

- Я же тебя спрашиваю! Оглохла, что ли?

- Что было мне ответить? Я сказала, что если Кербалай-Гейдар что-нибудь ему должен, пусть обратится в суд... Зейнаб умолкла.

- И больше ничего? - спросил Велигулу.

- А что же еще?

- Значит, ты не знаешь, о чем я тебя спрашиваю?

- Ты спросил, я ответила. А что еще хочешь?

- А насчет Гюльсум что ты ответила?

- Что было мне отвечать? Я над ней не хозяйка. Что я могу сказать, если отец не хочет выдавать. Я ответила, что если он не хочет выдать дочь за моего сына, то я тоже не хочу женить сына на ней. Что я могла еще ответить?

- Так! - сказал Велигулу, уже не сдерживая гнева. - Раз ты понимаешь, что ты над Гюльсум не хозяйка, как же ты могла ответить за меня?

- Но ведь ты мне сын! - удивленно проговорила Зейнаб.- Гюльсум же не дочь мне!..

- Хорошо говоришь, мать! Если мать любит сына, для нее невестка ближе родной дочери. Зря ты так рассуждаешь!

Велигулу так повернул разговор, что Зейнаб не нашлась, что ответить. Тогда Велигулу продолжал:

- Раз так, я хочу отделиться. Я вижу, что с тобой мне не ужиться. Да будет благословенна память твоего отца, отдели меня, и я начну жить сам по себе.

- Сын мой, - расплакалась Зейнаб, - Велигулу! Помнишь, когда умер отец, как ты утешал меня? "Не плачь, мама, я никогда не позволю, чтобы ты горевала". Так почему же ты не сдерживаешь своего обещания?

- Ты поступай так, чтобы мне не было тяжело, тогда я тоже не буду огорчать тебя.

- Родненький мой, а что я сделала тебе дурного? Худаяр-бек не хочет выдавать Гюльсум за тебя, ну и пусть, я найду тебе получше невесту. Зачем ты расстраиваешься из-за этого?

- Нет, мама, я ничего знать не хочу. Ты должна вернуть человеку деньги. Вот сейчас же. Я отнесу ему. Он прав. Я сам помню, как отец занимал у него.

- Что с того, что ты сам помнишь? Где у меня теперь двести рублей, чтобы отдавать Худаяр-беку?

- Ничего не хочу слушать, - стал кричать Велигулу, сердито размахивая рукой. - Сейчас же отдай деньги...

Не дожидаясь ответа, Велигулу встал, взял свою кизилковую палку и вышел вон, хлопнув дверью.

Физза и Зиба снова начали плакать. Как же может быть, чтобы мать плакала, а малые дети не вторили ей? Конечно, и Зейнаб плакала, и не только потому, что рассорилась с сыном, нет, она оплакивала минувшие дни, светлые, счастливые дни! И то сказать, Кербалай-Гейдар никогда не был с нею суров. Если он иногда и ругал, бил ее, то только когда было за что.

Зейнаб было очень тяжело. Темная комната, голодные дети, остывшая в очаге похлебка. Скотина некормленная, непоенная. А Велигулу ушел. Кто знает, когда он придет ужинать.

По правде говоря, в безвыходное положение попала Зейнаб. Чувствовала она, что нелегко будет ей выбраться из этого

положения. С одной стороны, Худаяр-бек посылает ей такие угрожающие предупреждения; с другой - Велигулу затевает с ней ссору. Где ей достать двести рублей, чтобы отдать их Худаяр-беку? Если говорить правду, она может достать эти деньги. Хотя в данную минуту у нее нет в наличности такой суммы, но, конечно, при желании она может постепенно собрать ее. Да благословит аллах память Кербалай-Гейдара. Кое-что после себя он оставил. Но дело в том, что Зейнаб, хоть убей, и двухсот копеек не отдаст Худаяр-беку. Она-то хорошо его знает. Нет уж, увольте, не даст. Ни единой копейки.

Сидя в темноте, Зейнаб предавалась мрачным размышлениям. Девочки, поплавав, притихли, уткнувшись в колени матери. Вот так и просидели мать и дочери добрых два часа.

Вдруг открылась дверь. Зейнаб решила, что вернулся Велигулу, и обрадовалась. (Ах, мать! Как же ты хороша!) Видимо, и девочки подумали так, потому что обе они подняли головы и уставились на дверь. Но папаха вошедшего показалась немного больше, чем у Велигулу.

Зейнаб поняла, что это не сын, и с дрожью в голосе спросила:

- Кто там?

Вошедший оказался Гасымали, рассыльным главы. Не называя себя, Гасымали спросил с удивлением:

- Что тут такое? Почему темно? Может, спичек у вас нет?

- Братец, тебе нет дела до того, темно в комнате или нет. Скажи, что хочешь, и уходи.

- Вот что, тетка! - начал Гасымали. - По жалобе Худаяр-бека, глава арестовал Велигулу и посадил в кутузку. Он послал меня сообщить, что, пока ты не исполнишь требования Худаяр-бека, он не выпустит твоего сына. Вот и все.

Гасымали еще не кончил говорить, а Физза с Зибой уже принялись плакать.

Все сказав и простояв еще минуты две, Гасымали ушел.

Что теперь делать бедной Зейнаб? Каким пеплом посыпать, ей голову?

Всю ночь несчастная женщина провела в слезах.

Наутро тетя Сакина сообщила, что Худаяр-бек поехал в город

пожаловаться начальнику насчет денег.

Это случилось как раз в тот день, когда рано утром Худаяр-бек, взяв осла дяди Мамед-Гасана, поехал в город. Конечно, глядя со стороны, можно упрекнуть Худаяр-бека. Однако никаким упрекам здесь не может быть места. Если говорить по совести и рассуждать по справедливости, то Худаяр-бека ни в чем нельзя винить.

Верно, конечно, что причиною всем этим неприятностям - Худаяр-бек, но он ведь вовсе не хотел причинять кому-нибудь неприятности. У Худаяр-бека одно-единственное желание: жениться на Зейнаб. Он вовсе не добивается того, чтобы Зиба и Физза плакали или чтобы Зейнаб горевала.

И осла дяди Мамед-Гасана Худаяр-бек продал вовсе не с той целью, чтобы покрыть дом его трауром, а самого лишить возможности поехать в Кербалу.

Да нет же, боже сохрани! Он же не враг дяде Мамед-Гасану. Нет, не так, совсем не так. Осла он продал только потому, что ему нужны были деньги, а деньги были нужны, чтобы купить головку русского сахара и фунт чаю для кази.

Стало быть ясно, что Худаяр-бек имеет одну цель, только одну - жениться на Зейнаб. Раз так, следовательно, никоим образом нельзя осуждать его поведение. Тут нет ничего предосудительного, да и шариат ни в коем случае не препятствует браку.

А жениться Худаяр-беку совершенно необходимо. Необходимо, во-первых, потому что женитьба относится к числу самых благих, угодных аллаху дел. Во-вторых, ему потому необходимо жениться, что жена у него некрасива, настолько некрасива, что никто не захочет принять из ее рук даже стакан воды. Жена Худаяр-бека и в подметки Зейнаб не годится.

Еще потому Худаяр-беку надо жениться, и именно на Зейнаб, что сам он очень беден, ну прямо-таки нищ. Женившись на Зейнаб, он прикарманим имущество ее и ее сирот и поправит свои дела.

Какой же дурак откажется от столь выгодного предприятия! А Худаяр-бек очень умный человек. Вы его еще не знаете.

Худаяр-бек прилагает все усилия, чтобы жениться на Зейнаб. С того дня, как появилось и созрело у него это решение, он не знает ни минуты покоя... Не осталось ни одного фокуса, которого бы он

не выкинул, добиваясь своего. И все же до сих пор ничего не мог добиться. Последней его уловкой было то, что он спрятал Велигулу и послал сообщить Зейнаб, что глава арестовал ее сына. Он надеялся, что теперь-то уж бедная женщина согласится на все его требования.

В тот вечер, рассорившись с матерью, Велигулу пошел прямо к своему будущему тестю - Худаяр-беку.

Войдя в комнату и поздоровавшись, Велигулу стал у дверей и прислонился к стене. Обычно, когда он входил в этот дом, его приветливо приглашали сесть и указывали место. На сей же раз ничего подобного не случилось.

Худаяр-бек был занят намазом. Два сына Худаяр-бека, Гейдаргулу, шести лет, и Мурадгулу, девяти лет, лежали навзничь на полу и пинали друг друга ногами. Гюльсум, то есть невеста Велигулу, увидев его, тотчас же укуталась в чадру и, словно мешок с хлопком, застыла в темном углу. Жена Худаяр-бека задумчиво сидела возле мальчиков, положив щеку на поднятое колено.

Когда вошел Велигулу, она осталась сидеть, не изменив позы и даже не подняв головы. Это был первый признак невнимания. Только Мурадгулу повернул голову и, посмотрев на Велигулу, сказал со смехом:

- А вот и братец пришел!

Хотя Худаяр-бек и был занят намазом, но всякий, посмотрев на выражение его лица, сразу догадался бы, что сейчас Худаяр-бек погружен в море дум, вернее, даже в море скорби.

Окончив намаз, он повернулся к Велигулу и сказал, не меняя выражения лица:

- Почему стоишь, Велигулу. Иди садись.

Присев у входа, Велигулу стал развязывать чарыхи.

Худаяр-бек взял с джанамаза четки и стал перебирать их, одновременно выговаривая детям за дурное поведение. Он кричал на мальчиков, чтобы те сидели, как следует, однако слова его никакого действия не имели.

Худаяр-бек был занят делом - перебирал четки. Это тоже своего рода дело, особенно для благочестивого мусульманина, а Худаяр-бек, несомненно, относится к числу благочестивых. Он сидел на

согнутых коленях, подложив ладонь левой руки под локоть правой, в которой держал четки; голова его запрокинулась назад, словно он полоскал горло; глаза были устремлены на потолок: можно было подумать, что он считает балки под потолком. Однако он не балки считал, а произносил соответствующую молитву.

На каждое зернышко четок он повторял про себя эту молитву. В течение пяти минут он перебрал все зерна четок и, трижды негромко повторив первое слово молитвы, положил четки на место и повернулся к Велигулу.

- Что-то невесело ты выглядишь сегодня. Велигулу не ответил. Худаяр-бек продолжал:

- Что делать? В жизни всякое бывает. Я то-знаю, почему ты не весел. Ничего не поделаешь. Да проклянет аллах родителей твоей матери! Это она повергла всех нас в горе. Эх, Велигулу! Да благословит аллах память Кербалай-Гейдара! Только сейчас ты оценишь его по достоинству. Неужели ты думал, что мать заменит тебе отца? Как бы не так. Мать - это женщина, а отец - мужчина! Да будет проклята сама святая святых женщины! У женщины не бывает ни веры, ни религии, ни бога.

Где ей понимать, что такое религия? Милый племянник. Все мои старания направлены на то, чтобы как-нибудь избавить тебя с твоими сестрами-сиротками от вашей матери. Или ты думаешь, Велигулу, что я могу забыть добро? Я не вероломный человек. Кербалай-Гейдару я был братом. Я многим ему обязан, очень многим. Разве сам ты не знаешь, что это так? Как же может быть, чтобы я забыл все это? Аллах меня накажет. Нет, нет, не приведи господь! Я не из тех, кто забывает дружбу. Я не могу стоять в стороне и ждать что будет. Нет, я так не могу. Сын мой, Велигулу, сам ты видишь, что кроме меня, у вас нет покровителя. Как же я могу стоять в стороне и спокойно смотреть, как твоя матушка выйдет замуж за Халыкверди-бека, и наследство, что оставил твой дорогой отец, да благословит аллах его память, мой незабвенный брат, свет моих очей...

Последние слова Худаяр-бек произнес так, как если бы ему очень тяжело было говорить об этом.левой рукой он захватил полу чухи и поднял ее к глазам, якобы желая вытереть слезы. Однако мало-

мальски наблюдательный человек мог бы сразу заметить, что глаза Худаяр-бека были совершенно сухи.

- ...как богатство, оставленное покойным Кербалай-Гейдаром, она промотает со своим новым мужем. А как же тогда будут сироты? А что же будет с тобой? Помоги нам, аллах. Спаси нас, господь!

Велигулу, положив руку в карман, слушал Худаяр-бека. Когда тот кончил и, достав трубку, принялся набивать ее, Велигулу кашлянул и сказал:

- Ей-богу, дядя, клянусь создавшим нас творцом, не бывает дня, чтобы я не ругался с матушкой. Вот и сейчас я рассорился с ней, пришел сюда.

- Нет, - проговорил Худаяр-бек, закурив трубку и выпустив дым, - нет, Велигулу, я больше тебе не верю. Я думаю даже, что ты заодно с матерью. Будь ты крепким малым, не стал бы называть ее матерью. Будь ты настоящим мужчиной, не пошел бы к ней, не стал бы жить с ней под одной крышей. Слава богу, разве тебе жить больше нигде? Этот дом - твой дом! Сколько хочешь живи, ешь, пей, до самой смерти оставайся тут. Нет, все это лишь отговорки. Я, Велигулу, умею разбираться в людях. Если бы ты захотел, сразу уговорил бы мать.

- Ну скажи, дорогой дядя, что мне делать? Скажи. Я сделаю все, как ты прикажешь. Чего еще тебе надо?

- Стало быть, ты готов сделать все, что я скажу? Ну так вот, оставайся здесь, не возвращайся больше к матери.

- Слушаюсь. Ты велишь не ходить к ней, хорошо, не пойду. Разве я перечу тебе?

- Конечно, не ходи, зачем тебе ходить к ней? Если она тебя за сына не считает, зачем тебе называть ее матерью и слушаться ее. Не ходи, и все. Остайся здесь, а ей пошли сказать, что в тот дом ты больше ни ногой.

- Хорошо, дядя! Я на все согласен. Вот я ведь поссорился с ней и пришел сюда. Зачем же было мне приходить сюда, если бы я думал опять вернуться.

Худаяр-бек повернулся к сыну.

- Мурадгулу! Сейчас же сбегай к дяде Мешади-Ахмеду и скажи,

отец просит Гасымали, есть срочное дело.

Мурадгулу встал, открыл дверь и вышел, но тотчас же вернулся, закрыл за собой дверь и, снова развалившись на полу, сказал отцу:

- Я не могу идти, отец. На дворе очень темно, ни зги не видать.

Услышав этот ответ, Худаяр-бек отбросил трубку в сторону и, вскочив на ноги, бросился к Мурадгулу, схватил его за уши и приподнял почти до уровня своего лица.

В это время произошло совершенно неожиданное. Жена Худаяр-бека набросилась на него и стала обеими руками рвать ему бороду. Мурадгулу вырвался из рук отца и, убежав в темный угол, где сидела сестра, спрятался за ее спиной. Супруги сцепились. Рев Мурадгулу и Гейдаргулу, вопли матери и рычание Худаяр-бека слились в такой шум, словно наступил конец света. Гюльсум сидела совершенно неподвижно, словно неодушевленный предмет.

Велигулу вскочил, не зная, что делать, кому прийти на помощь.

Схватив жену за косы, Худаяр-бек таскал ее по комнате из угла в угол.

В этот самый момент всемогущий аллах послал откуда-то Гасымали. Войдя в комнату, он бросился к Худаяр-беку и, вырвав женщину из его рук, начал бранить ее:

- Зачем в драку лезешь, коли силенок нет? Зачем вмешиваешься в мужнины дела, чтобы он так с тобой поступал? Ну, получила свое? И поделом.

Женщина, нанося себе удары по голове, бросилась вон из комнаты. Худаяр-бек, браня жену, сел на свое место и обратился к Гасымали:

- Вся эта драка из-за тебя произошла, Гасымали. Я велел Мурадгулу сходить за тобой, он не захотел, и когда я стал его бить, началась эта катавасия.

Гасымали с кизиловой палкой в одной руке и большим куском в другой присел против Худаяр-бека.

- Зачем все это было делать? - проговорил он. - Ведь ты же знал, что я приду. Еще днем я говорил тебе, что зайду вечером поболтать. Наконец, хотелось бы знать, кто хозяин над Мурадгулу - ты или она? На то и отец, чтобы бить и ругать сына. Зачем матери вмешиваться в дела отца с сыном. Нет, определенно твоя жена нехорошо себя

ведет. И потом я же знаю, какая муха ее укусила...

При этих словах он оглянулся на Велигулу и повторил:

- Я знаю, какая муха ее укусила!..

Худаяр-бек только теперь почувствовал, что лицо у него в нескольких местах исцарапано. Острые ногти, зная, у его жены. Достав платок, Худаяр-бек начал вытирать кровь с лица.

- Ты пришел очень кстати, Гасымали, - сказал Худаяр-бек. - Сейчас же сходи к Велигулу домой и передай его матери, что глава арестовал Велигулу и посадил в кутузку. Если спросит, за что... Впрочем, нет, пожалуй, не спросит. Ты просто скажи, что по жалобе Худаяр-бека глава посадил Велигулу в кутузку и предупреждает, что не отпустит его, пока она не удовлетворит требования Худаяр-бека.

- Слушаюсь, Худаяр-бек! Сейчас же пойду.

Гасымали, не медля ни минуты, встал и направился к выходу.

Когда Гасымали вышел, Худаяр-бек поднял с пола трубку и предложил Велигулу сесть. Тот сел, а Худаяр-бек закурил.

Дверь медленно открылась; бедная женщина молча вошла в комнату и, пройдя в темный угол, села возле своей дочери.

- Ну что, мое сокровище? - обратился к ней Худаяр-бек.- Будешь мне еще перечить? Будешь приставать?

Женщина молчала. Подняв руку, Худаяр-бек продолжал:

- Клянусь единым аллахом, считай себя покойницей, если еще раз осмелишься вмешиваться в мои дела или не подчиняться мне. Клянусь всемогущим аллахом, переломать тебе все ребра! Дочь Айши! Какое тебе дело, что я хочу жениться?

Женщина продолжала молчать.

- Много ты мне богатства принесла из отцовского дома, чтобы еще перечить мне? - снова заговорил Худаяр-бек. - Что тебе надо, что ты хочешь? Если я задумал жениться, то сам знаю, зачем мне это надо. Всякий понимает, что тут у меня серьезные намерения. Я не потому женюсь, что мне женщину иметь хочется. Вовсе нет. Почему же я столько лет не думал о женитьбе? Если бы я хотел жениться, сделал бы это раньше. Тебя, что ли, боялся или твоих братьев, твоей родни? Мало нам своего горя, еще ты портишь нам кровь, проклятая дочь проклятого отца!..

До сих пор женщина сидела молча и спокойно слушала. Но, по-видимому, брань Худаяр-бека сильно ее задела, и она, вытянув правую руку и прикоснувшись тремя пальцами к земле, сказала:

- Сам ты сын проклятого отца! Сам ты сын собаки! Сам ты и есть сын суки! Сам ты сын нечестивца! Что ты разошелся? Собачью голову съел что ли? Придержи язык, не то, клянусь аллахом, плохие сны тебе приснятся. Женишься - женись, никто тебя не держит. Только разведись со мной. Я не в таком возрасте, чтобы терпеть в доме вторую жену своего мужа. Разведись со мной. Я больше не могу с тобой жить.

- Пожалуйста, с радостью разведусь с большим удовольствием... Вот это сказано хорошо. Завтра же разведусь с тобой! И даже не сомневайся. Пусть наступит утро, и я дам тебе развод! Пожалуйста!

Худаяр-бек кончил говорить, но жена ему не ответила; не сказала "разведись" и не сказала "не разводись". По молчанию женщины можно было догадаться, что она уже раскаялась в своих словах. И она в самом деле раскаивалась, что напредила Худаяр-беку о разводе.

С того времени, как Худаяр-бек задумал жениться, она, быть может, сто раз ему говорила:

- Разведись со мной! Дай мне развод!

И ни разу Худаяр-бек не отвечал ей так, как сегодня. Каждый раз, когда она заговаривала о разводе, Худаяр-бек, хотя и бил ее, ругал, но никогда не отвечал - хорошо, разведусь. Он всегда ей говорил:

- Хоть умри, а развода тебе не дам; что же будет с моими детьми, если я разведусь с тобой?

И когда сегодня Худаяр-бек ответил ей согласием на развод, женщина подумала про себя: "О злосчастная! А вдруг он и впрямь разведется? Что же тогда делать, как быть?"

Жена Худаяр-бека была не из тех счастливых женщин, которые могут требовать у мужа развода. Этого может требовать женщина, которая рассчитывает на отца, или надеется на мать, или имеет братьев, или наконец полагается на свои деньги, на богатство!

Жена Худаяр-бека была лишена всех этих преимуществ.

Звали ее Шараф. Это была среднего роста, смуглая, худая

женщина. В общем, ее никак нельзя было назвать красавицей. Лет сорока, а то и немного поболее, она была старше Худаяр-бека. В то время, когда она выходила за Худаяр-бека, ее отец ничем не уступал отцу жениха, но судьба оказалась к ней жестокой: умер отец, вслед за ним скончалась мать, затем умерли оба брата, и она осталась одна-одинешенька, отданная на произвол Худаяр-бека. А тот в последние годы сделался старостой, то есть превратился в господина, тогда как жена его оставалась все той же служанкой.

Вместе с этим Шараф не была такой уж забитой, чтобы не отвечать, когда надо, Худаяр-беку или покорно опускать голову, когда он ее бил. Часто бывало так, что на удар палкой, нанесенный жене, Худаяр-бек получал такой же удар палкой от нее; на два тумака, полученных от мужа, она всегда отвечала хотя бы одним ударом. И все же Шараф побаивалась Худаяр-бека: как бы то ни было, все-таки мужчина, а мужчина, как известно, сильнее женщины.

Кроме того, для него не представляло никаких затруднений развестись с ней. Если он до сих пор этого не делал, терпя непривлекательность и строптивость жены, то исключительно из-за бедности, просто он не имел возможности покрыть расходы по новой женитьбе.

Шараф прекрасно понимала это и никогда не теряла спокойствия, когда речь заходила о женитьбе мужа; она знала, что у мужа нет ни копейки, чтобы купить себе даже саккыз.

Теперь же дело повернулось иначе. Худаяр-бек хотел жениться на Зейнаб. Если та согласится выйти за Худаяр-бека, то ему совсем не надо будет денег. Сейчас у Зейнаб по меньшей мере пять еще не надеванных платьев в сундуке, а насчет ее денег и говорить нечего. Вот почему Шараф боялась Зейнаб пуще огня. Не подлежит сомнению, что, когда Худаяр-бек женится на Зейнаб, хозяйкой в доме будет она, а Шараф будет низведена до положения служанки. А это для нее хуже смерти.

Перебрав все это в уме, Шараф стала сильно раскаиваться, что затеяла разговор о разводе, поэтому она предпочла промолчать, когда муж заявил, что завтра же даст ей развод.

Худаяр-бек поднялся на ноги, потянулся, зевнул и велел

Гюльсум стелить постели. Затем, подойдя к Велигулу, начал тихо шептать ему на ухо наставления. Велигулу встал, а Худаяр-бек, приблизив лицо к его уху, говорил:

- Слушай, Велигулу. Соберись с разумом и делай, как я скажу. Если ты хочешь, чтобы я был доволен тобой и не расстроил нашего родства, то запомни, что я скажу, и поступай так. Сейчас ты отправишься к Гасымали и переночуешь у него, но никто пусть не знает, что ты ночевал там. Я сам поручу Гасымали, чтобы он всем, кто спросит про тебя, отвечал, что ты арестован главой. Ты останешься у него и никуда не будешь, выходить. Когда будет надо, я сам тебя позову, и мы поговорим. Быть может, как-нибудь мы сумеем уломать эту упрямицу, твою мать. Ну, теперь ступай.

Велигулу присел на корточки, чтобы надеть чарыхи.

В другом конце комнаты Гюльсум положила на пол старый матрац, расстелила несколько рваных одеял и разложила у матраца несколько старых мутак.

Обувшись, Велигулу ушел.

Худаяр-бек разделся и при свете лампы начал искать вши в одежде. Раздавив ногтем несколько вшей, он лег и натянул на себя одеяло.

Остальные тоже легли где попало и заснули.

Ни Худаяр-бек, ни Шараф не могли уснуть. Худаяр-бек думал о завтрашнем дне.

Он хорошо знал характер Зейнаб. Знал, что добром с ней ничего не сделаешь. Долго он поворачивался с боку на бок и наконец вспомнил об одной истории, случившейся совсем недавно, всего месяца два тому назад.

Один из крестьян пришел к кази и заявил ему:

- Кази-ага, я подарю тебе две головки сахара, если ты женишь меня на такой-то.

После некоторого раздумья кази ответил:

- Ведь эта женщина состоит в браке с другим мужчиной. Как же я могу женить тебя на чужой жене?

- Кази-ага, - ответил проситель. - Это верно, и я знаю об этом. Но зачем же я предлагаю тебе две головки сахара? Я потому и даю тебе две головки сахара, что она замужем. Будь она вдова, брак могла бы

совершить и моя тетка. И еще вот что, кази-ага. Муж этой женщины сейчас находится в Кербале. Кто знает, вернется он или нет. Если случится так, что вернется, придумаем что-нибудь новое.

Вспомнив об этом происшествии, Худаяр-бек стал рассуждать про себя так: "Великолепная история. Та женщина ведь была законной женой другого человека. Получив две головки сахара, кази исполнил желание просителя. А Зейнаб, слава аллаху, вдова. Раз дело обстоит так, почему бы мне не пойти и не поговорить с кази? Нет, нет, это дело иначе не устроится. По всему видать, что кази человек порядочный, да благословит аллах память его родителя. Видно, он понимает чужую нужду и не откажет в помощи. Итак, завтра же пойду к нему".

Решив так, Худаяр-бек снова погрузился в думы. Его останавливало одно обстоятельство. В настоящую минуту у него в кармане было всего семь абасов, и те не свои: их дали ему в счет налога для сдачи главе. Если он потратит эти деньги в городе, беда невелика. Как-нибудь после достанет и отдаст главе.

И потом, что может сказать глава? Он же приходится ему отчимом.

Ну, ладно, это обойдется, но все же с семьей абасами дела не сделаешь. Подумав еще, Худаяр-бек придумал выход и из этого положения. Какой выход он нашел, мы уже знаем.

Худаяр-бек встал рано и, достав новую чуху и шапку, разделся и собрался уходить.

Жена и дети сразу сообразили, что Худаяр-бек приготовился ехать в город.

- Отец, куда собрался? - близко подойдя к нему, спросила Гюльсум.

- В город, - сурово ответил Худаяр-бек. - К кази, разводиться с твоей матерью.

Не успел Худаяр-бек выйти, как в доме поднялся рев, мать и дети так плакали, так причитали, обливаясь такими горячими слезами, словно оплакивали Худаяр-бека.

Там - траур в доме Зейнаб, тут - траур у жены и детей Худаяр-бека.

Худаяр-бек направился к дяде Мамед-Гасану, чтобы взять у него

осла и отправиться в город.

К двум траурам прибавился еще один траур - в семье дяди Мамед-Гасана.

Проводив Худаяр-бека, дядя Мамед-Гасан вернулся домой.

Жил дядя Мамед-Гасан в просторной зимней сакле. Зимой" тут, говорят, тендир и балки под потолком сильно почернели от копоти и дыма. Верхняя часть стен тоже почернела. Сакля довольно старая, большинство балок в ней погнулось. Середину потолка поддерживает поперечная балка, которую подпирают два столба, поставленные на большие камни на полу.

У одной из стен вырыт тендир, покрытый доской, у другой стены стоит табурет, на котором сложен хлеб. В темных углах - ниши с расставленной в них глиняной посудой и медными чашками. Под табуретом - опрокинутый вверх дном котел, чашка с простоквашей и закопченный чайник. На пол постлан палас, на котором сложено несколько свернутых постелей. Две ниши заняты связками одежды, маленькими сундучками и старой папахой.

И больше ничего. Всякий, побывав у дяди Мамед-Гасана сразу поймет, что тот беден.

Войдя в саклю, дядя Мамед-Гасан увидел сына Ахмеда, который, катаясь по голому полу, плакал навзрыд, словно его ужалила змея. Громко плача, он то ударял себя руками по голове, то бился головой о землю.

В стороне, прислонившись к табурету, сидела на полу женщина лет сорока пяти-пятидесяти и, подперев обеими ладонями подбородок, сурово смотрела на плачущего Ахмеда. Одета она была в старую кофту из светлого ситца и в старую полинявшую юбку, голова ее была покрыта ветхим платком. Если к этому добавим, что ноги женщины были босы, то сразу станет ясно, что это жена бедного человека.

Да, это и есть жена Мамед-Гасана, и зовут ее Иззет.

Войдя в комнату и увидев валяющегося на полу и плачущего сына, дядя Мамед-Гасан подошел к нему и, наклонившись, взял его за руку, чтобы поднять и успокоить. Мальчик стал плакать еще громче. Как ни старался дядя Мамед-Гасан ласковыми словами утешить мальчика, тот не унимался.

- Встань, сынок, встань! Не плачь. Зачем плачешь? Вечером староста опять приведет осла. Он же не убьет его. Встань, голубок, встань! Не плачь.

Чем больше уговаривал дядя Мамед-Гасан, тем сильнее ревел мальчик. И вдруг Ахмед, ни слова не говоря, вскочил на ноги и выбежал из сакли. Дядя Мамед-Гасан стал звать его,, чтобы спросить, куда он бежит, но мальчик ничего не ответил.

- И откуда только нелегкая принесла этого балбеса! - сказал он с досадой жене. - Взял нашего осла, теперь не оберешься неприятностей. Ахмеда ничем не успокоишь. Вот, ей-богу, не думали, не гадали...

- Ладно! - строго проговорила жена. - Теперь поздно говорить об этом. Что я могу теперь сделать? Ты бы подумал об этом прежде чем осла отдавал. Теперь, когда ты отдал осла, ко мне за советом приходишь?

- Но что мне было делать, жена? Совесть как-то. Пришел, просит, как ему откажешь? Ну взял он осла в город. Взял - вернет. Не съест же он осла.

Говоря эти слова, дядя Мамед-Гасан стоял перед женой, опустив руки по швам, словно держал ответ перед начальником.

- Послушай, - заговорил "начальник", усиленно размахивая руками, ей-богу, у тебя ума нет ни капельки. Разве ты не знаешь, что не сегодня-завтра паломники выезжают? Дай же бедному животному хоть один день остаться дома, отдохнуть, набраться сил, чтобы повезти тебя в шестимесячный путь и привезти обратно. Сам подумай, третьего дня осел был в Узунагаче, вчера ты ездил на нем на мельницу, сегодня его погнали в город. Когда же он отдохнет в своем стойле, чтобы ты мог потом отправиться на нем в путешествие? Эх, пропади ты пропадом...

- Жена, ради аллаха, отстань от меня. Мне и своего горя довольно. Что теперь делать? Уже полчаса прошло, как Худаяр-бек забрал осла. Не могу же я теперь побежать за ним и отнять осла, остановить человека на поддороге! Как бы то ни было, все же он один из почтенных людей на селе. Будет случай, и он мне пригодится. Как можно из-за какого-то осла портить отношения со старостой. Ну, увел осла, эка беда. Вечером приведет обратно.

- А что теперь мне с Ахмедом делать? Попробуй-ка успокой его. Каково мне смотреть, как ребенок мой надрывается? И ради чего? Что общего у тебя с Худаяр-беком? Староста он, ну и пускай себе будет старостой. Какая польза тебе от этого?

Услышав плач Ахмеда, Иззет умолкла. Войдя в саклю, Ахмед снова бросился на землю и стал громко выть:

- Вай, вай! Хочу осла, моего осла! Клянусь аллахом, мама, Худаяр-бек взял осла в город, а там его нагрузят камнями и и погонят чинить мост... Вай, вай, мама, хочу моего ослика!

Поплакав немного, мальчик опять выбежал во двор.

Дядя Мамед-Гасан вышел за ним, чтобы узнать, куда побежал мальчик, но того и след простыл. Дядя Мамед-Гасан опять вернулся в саклю и сказал жене, что не знает, куда делся Ахмед. Это еще больше разозлило Иззет.

- Да разрушит аллах твой дом! - вскричала она. - Иди же посмотри, куда мальчик ушел. Господи, что мне с ним делать? Ты же знаешь, что Ахмед не в своем уме, он может в колодезь броситься!

- Но как же быть, жена? Как я могу теперь узнать, куда он убежал?

Иззет встала, накинула на голову старую чадру из синего ситца и вышла из сакли, проклиная Худаяр-бека на чем свет стоит.

- Да будет проклят твой родитель, Худаяр-бек! Да будет проклята твоя мать, Худаяр-бек! Пусть угодит в ад твой отец, Худаяр-бек! Пусть твой дед явится на Страшный суд вместе с Омаром, Худаяр-бек!

Иззет ушла, и дальнейших ее проклятий не стало слышно. Дядя Мамед-Гасан тяжело вздохнул и, сев на палас, прислонился к стене. Досада взяла его, на лбу выступила испарина. Он снял шапку и, положив рядом на землю, стал жаловаться на свою судьбу.

- Благодарение и слава тебе, господи! Может ли человек вынести столько горестей, сколько ты наслад на меня! Непременно этот Езид, сын Езида должен был прийти и взять именно моего осла, чтобы вызвать у меня в доме такой переполох. В селе две тыщи ослов. Разве он не мог взять у кого-нибудь другого? Только у меня увидел! Аллахуакбар! Велик аллах! Не зря говорит жена, сущую

правду говорит. Бедное животное отдыха не знает, сил набраться не сможет. Эх, гроша ломаного я не стою. И вовсе я не мужчина. Жена и та лучше меня. Конечно, она лучше. Попробовал бы Худаяр-бек попросить осла у Иззет. Так бы она и дала ему. А ведь женщина! Аллахуакбар! И в беду ж я попал. Не знаю, о бедности ли своей горевать, о жене и детях думать, или об осле печалиться... И не дать-то осла нельзя. Ну, как было не дать? Как после того жить в деревне? Худаяр-бек как-никак начальство... Придет средь бела дня и заявит ни с того ни с сего: с тебя столько-то штрафа, выкладывай! Как тогда быть? Нет, нельзя было отказать. Не понимаю, ей-богу, что тут еще жена вмешивается? А тот щенок как надрывается? Скажите, ради аллаха, вы что, вместе со мной в поте лица деньги зарабатывали? Отдал и ладно. Мой осел, я и отдал. Вам-то какое дело?.. А впрочем, говоря по справедливости, и они не виноваты. Ведь из-за меня убиваются. Верно говорит Иззет. Осел ни дня не отдыхает, сил набраться не может. Нет, они ни в чем не виноваты...

Так размышлял про себя дядя Мамед-Гасан, когда со двора донесся громкий голос Иззет, отвлекший дядю Мамед-Гасана от его дум.

- И поделом, и поделом... - кричала Иззет со двора. - Увел осла, прекрасно сделал. Уведи, убей его! Так ему и надо, собаке! Молодец, Худаяр-бек! Спасибо тебе! Убей осла этой собаки! И этого ему будет мало!.. Ах, боже мой!

С этими словами Иззет вихрем ворвалась в саклю и набросилась на дядю Мамед-Гасана:

- Ну что? Доволен? Утешился теперь? Рожа проклятая! Знаешь, куда увел осла Худаяр-бек? В город увел, камни на нем таскать будут! Там чинят мост Гейдар-хана. От каждого села потребовали по одному ослу. А ведь в селении Данабаш: только твой осел известен, кроме твоего других не оказалось! Понял, в чем дело? Теперь можешь успокоиться!..

Выпалив все это, Иззет сняла чадру и швырнула на табурет. Дядя Мамед-Гасан быстро надел шапку и подошел к жене.

- То есть как это камни таскать? Кто это говорит?

- Кто может сказать? Жена самого Худаяр-бека. Я к ней ходила. Думала, может, Худаяр-бек еще не успел уехать в город и я смогу

вернуть осла. А он давно уже уехал. Жена мне сама сказала. Я еще и не успела спросить, зачем Худаяр-бек взял осла в город, а она отчитала меня как следует. Что вы, говорит, не жалеете своей скотины? Разве вы не знаете, говорит, для чего Худаяр-бек взял осла в город? Взял, говорит, чтобы на нем камни на мост таскать. И наказала мне обязательно послать Ахмеда в город и вернуть осла.

Выслушав рассказ жены, дядя Мамед-Гасан направился к выходу.

- Тогда пойду и сейчас же пошлю Ахмеда в город. Надо найти его.

В этот момент слышался плач Ахмеда. Дядя Мамед-Гасан вышел и вскоре вернулся с Ахмедом. Сначала он успокоил сына, а потом сказал, что надо сбегать за Худаяр-беком и вернуть осла.

Мальчик подумал и ответил, что Худаяр-бек, наверное, теперь уже в городе.

- Ничего, - сказал дядя Мамед-Гасан, - если даже о" в городе, надо найти его и взять осла.

Перестав плакать, Ахмед поглядел на мать и вышел из сакли.

Под вечер дядя Мамед-Гасан сидел на околице у дороги и с грустью смотрел вдоль дороги, ведущей к городу.

Вдали показался мальчик лет семи, в белой шапочке, в синей бязевой рубаше и в белых штанах. Он гнал маленькое стадо ягнят с пастбища в село, подгоняя отстававших ягнят связанными в пучок прутьями.

Поравнявшись с дядей Мамед-Гасаном, мальчик остановился и с удивлением посмотрел на него. Потом сделал еще два шага к нему и спросил:

- Дядя Мамед-Гасан, зачем ты здесь в такую пору?

- Жду одного человека из города, - мягко ответил дядя Мамед-Гасан.

Мальчик заметил, что ягнята ушли далеко вперед, и, не продолжая расспросов, кинулся за стадом.

Вскоре перед дядей Мамед-Гасаном очутился мальчик лет двенадцати, одетый в лохмотья, и также спросил его, почему он сидит так поздно на дороге. Дядя Мамед-Гасан удовлетворил и его любопытство.

Когда удалился и этот мальчик, дядя Мамед-Гасан увидел стадо

коров, направлявшееся в селение. Когда стадо подошло ближе, из-за коров показался мужчина лет тридцати пяти в черной чухе и белых штанах.

- Дядя Мамед-Гасан! - окликнул он. - Зачем ты сидишь здесь в такое время?

- Человека жду одного. Вот-вот должен появиться.

- Так он и без тебя придет... Или нужный человек?

- Да нет, Худаяр-бек взял моего осла в город. А мне надо на мельницу. Вот я и послал за ним мальчика. Пока что нет ни мальчика, ни осла.

Конечно, дядя Мамед-Гасан мог отделаться от любопытного кратким ответом и вовсе не распространяться об осле, но он нарочно сказал про осла.

Рассказ об осле он затеял для того, чтобы услышать от мужчины что-нибудь достоверное, проверить, знает ли и он о том, что Худаяр-бек взял осла на строительные работы или не знает.

Ответ мужчины пришелся как нельзя по сердцу дяде Мамед-Гасану. Он ответил, что Худаяр-бек не съест осла, зачем же было посылать еще мальчика в город?

Дяде Мамед-Гасану захотелось поглубже прощупать своего собеседника, и он решил рассказать ему все подробно.

- Сказать по правде, после того, как Худаяр-бек взял осла в город, я слышал, что... Хотя все это бабьи разговоры, не верится... Но поговаривали, будто с селения Данабаш потребовали в город одного осла, чтобы отправить его на мост Гейдар-хана таскать камни. Поэтому я немного забеспокоился. Мне надо погнать осла на мельницу, я и послал Ахмеда, чтобы он непременно привел осла. Вот и сижу дожидаюсь тут.

Мужчина слушал его со все возрастающим удивлением. Когда дядя Мамед-Гасан кончил рассказывать, мужчина рассмеялся.

- Да кто это наболтал тебе? Что значит камни таскать на мост? Ха-ха-ха! Это правда, что строят Гейдарханский мост, но не один же осел там нужен. Для постройки этого моста на Данабаш наложили сто рублей налога. Наврали тебе, дурака валяют. Вставай, пошли домой. Не теряй даром времени. Сейчас Худаяр-бек вернется и приведет осла. Вставай, идем.

Дядя Мамед-Гасан еще раз посмотрел в сторону города и со словами "о аллах!" встал и вместе с мужчиной направился в селение. Все улицы были запружены скотом. Сумерки сгущались.

- Скажи-ка, дядя Мамед-Гасан, кто это тебе говорил?

- А, неважно, ведь все равно вранье! Я сам хорошо знаю, что вранье. Не глупый же я! Не строят же мост с одним ослом!

Да и сказала-то об этом не кто-нибудь - жена Худаяр-бека.. Вранье, конечно. Сам знаю, что вранье...

- Ха-ха-ха... конечно так... - прервал его мужчина. - Да ты бы раньше мне сказал. Теперь все ясно. Знаешь, в чем дело, дядя Мамед-Гасан? Ты знаешь, я живу по соседству с Худаяр-беком. Уж кто-кто, а я-то знаю, зачем он сегодня уехал в город, У него там два дельца. Он же хочет жениться на Зейнаб.

- На какой Зейнаб?

- Да неужели не слышал? Вдову-то Кербалай-Гейдара ведь знаешь? Ну вот, он и хочет жениться на ней. Давно хочет. С того самого дня, как помер Кербалай-Гейдар. Да, Худаяр-бек, значит, хочет жениться на Зейнаб, а Зейнаб не идет за него, и жена Худаяр-бека не соглашается. Прошлой ночью у него в доме крик до небес поднялся. Наутро Худаяр-бек объявил жене, что едет в город разводиться с нею. И теперь, значит,, Худаяр-бек поехал в город либо заключить брак с Зейнаб, либо разводиться с женой. Нет, я вовсе не к тому говорю. Я хочу сказать, что жена Худаяр-бека сушая ведьма. Она нарочно сказала, что Худаяр-бек взял осла таскать на мост камни. Сказала так, чтобы ты не давал осла. Назло ему сказала ведьма... Верное слово!

Дядя Мамед-Гасан со своим собеседником дошли до перекрестка. Мужчина завернул направо.

Попрощавшись с ним и в душе благословив память его отца, дядя Мамед-Гасан зашагал к своему дому. Открыв дверь, он хотел войти, но в комнате было темно. Позвал жену, та не откликнулась. Позвала еще раз, опять нет ответа. Прикрыв дверь вернулся во двор и решил про себя, что жена заскучала одна и зашла к какой-нибудь соседке поболтать.

Пройдясь немного по двору, дядя Мамед-Гасан подошел к воротам. Дверь хлева была рядом, и он вдруг услышал

всхлипывания, доносившиеся оттуда. Тогда он повернул к хлеву посмотреть, кто это там плачет. Открыв дверь, он явственно различил голос жены. Просунув голову в дверь, дядя Мамед-Гасан позвал:

- Иззет!..

Всхлипывания прекратились, но ответа не последовало. О" позвал еще. Опять никто не откликнулся. Дядя Мамед-Гасан позвал еще раз, громче. Тогда из глубины хлева послышался сердитый голос жены:

- Чего тебе? Ослеп, что ли? Не видишь, что это я?

- Ты плачешь, Иззет? Мне слышалось, что кто-то плачет,

Иззет не ответила. Громко высморкавшись, она вышла из хлева и направилась в саклю. Дядя Мамед-Гасан побрел за ней. Иззет зажгла лампу и, поставив ее в нишу, отошла и села в темном углу.

Постояв немного, дядя Мамед-Гасан сел на палас и прислонился к собранной в тюк постели.

- Скажи правду, Иззет, это ты плакала в хлеву? Женщина не ответила.

- Я ясно слышал, как кто-то плакал. Это была ты? Женщина опять не ответила.

- Конечно, была ты. Напрасно ты плачешь, напрасно убиваешься. Я только что был на большой дороге. Встретил человека из города. Он божился, что Худаяр-бек сейчас приведет осла. Он говорил, что, правда, строят Гейдарханский мост, но от селения Данабаш потребовали на это не осла, а целых сто рублей. Он клялся всеми святыми, что Худаяр-бек вот-вот приведет осла. Сам, говорит, видел... Ей-богу, я правду говорю.

- К черту приведет, к дьяволу приведет! У ребенка моего ноги теперь волдырями покрылись. Очень мне надо, придет осел или нет. К черту придет, к дьяволу придет! Я об Ахмеде тревожусь, к черту осла! К черту придет, к дьяволу придет!

- Жена, ей-богу, тот мужчина говорил, что сейчас придет. Сама подумай, зачем было ему врать? Если б он не знал, не говорил бы. Он клялся, что сам видел на базаре их обоих, Худаяр-бека и Ахмеда. Я, говорит, собирался идти и спросил у "их, когда они пойдут. Те ответили, что сейчас трогаются. Я, говорит, пошел, а они остались,

чтобы после меня тронуться.

Женщина ничего не сказала. Она встала, вздохнула, высморкалась в подол юбки и, взяв с табурета несколько сухих лавашей, отнесла к двери и стала кропить их водой.

- Иншаллах, сейчас придет! - проговорил дядя Мамед-Гасан и, надев башмаки, подошел и встал около жены.

Когда Иззет кончила мочить хлеб, дядя Мамед-Гасан взял кувшинчик и вышел во двор. Вскоре он вернулся и, присев на корточки у дверей, начал совершать дастамаз - обязательное омовение к намазу.

Прежде всего он помыл кисти рук, потом лицо, а затем руки до локтей. Каждый раз, выливая воду, он произносил "бисмиллах". Покончив с омовением и проведя мокрой рукой, согласно ритуалу, по голове, он вошел в саклю и, найдя в нише мохир, положил на палас и приступил к намазу.

Иззет снова села в угол и, положив подбородок на поднятое колено, стала смотреть перед собой.

Дядя Мамед-Гасан, прочитав азан и игаме, перешел к хамду и гюльхуваллаху и готовился уже перейти к поклону, когда дверь открылась и в комнату ввалился усталый и словно больной Ахмед.

Дядя Мамед-Гасан поднял обе руки к небу и воскликнул:

- Аллахуакбар!

Иззет радостно вскочила с места и позвала Ахмеда. Тот остановился у дверей и, прислонившись к стене, простонал:

- Ох, мама!

Дядя Мамед-Гасан не вытерпел, после второго земного поклона он прервал намаз и бросился к Ахмеду. Отец и мать, схватив сына за руки, спрашивали наперебой:

- Почему ты так стонешь, сыночек?

- Что у тебя болит, милый? Иззет спросила:

- Почему не садишься, родной мой?

- А где осел, детка? - спросил дядя Мамед-Гасан. Едва успел дядя Мамед-Гасан произнести слово "осел", как Иззет стала громко и сердито бранить его:

- Да провалится в преисподнюю отец того, кто отдал осла! Пусть будет проклят отец того, кто отдал осла! Пусть змея ужалит осла!

Дитя мое чуть не умирает здесь, а он еще про осла спрашивает...

Дядя Мамед-Гасан ничего не ответил. Ахмед, прислонившись к стене, громко стонал и охал. В конце концов Иззет удалось усадить его на палас. Когда Ахмед отдышался и успокоился, Иззет и дядя Мамед-Гасан уговорили его рассказать о своем путешествии в город.

Ахмед начал рассказ с того, как он шел в город и сколько раз садился в дороге отдохнуть; потом перешел к тому, как он добрался до города, нашел караван-сарай и дрался с хозяином; дальше рассказал о том, как метался по городу в тщетных поисках Худаярбека, и закончил рассказ тем, как шел обратно, часто останавливаясь и преодолевая усталость.

Рассказывая все это, Ахмед каждое слово подкреплял клятвой. Скажет слово и прибавит "ей-богу", скажет другое - и подтвердит "клянусь имамом Гусейном", еще слово - и опять клятва "клянусь имамом Рзой", клянусь саблей Дженаб-Эмира".

Окончив рассказ, Ахмед повернулся к матери.

- Мама, что ты сварила?

- Ничего не варила, детка. Один хлеб... Если хочешь, принесу еще немного простокваши.

- Я не хочу простокваши! - заныл Ахмед. - Не могла каши сварить немного?..

- Не знаю, сынок, как-то не удалось. В этой суматохе я совсем растерялась, забыла. Что делать? Поешь сегодня простокваши, а завтра, бог даст, сварю тебе кашу.

Иззет принесла и положила перед сыном хлеб и простоквашу. Мальчик начал есть, а муж с женой принялись за намаз.

Дядя Мамед-Гасан кончил молиться раньше жены и, подсев к сыну, стал снова спрашивать его, как он себя чувствует. Мальчик, поглощенный едой, не отвечал. Не получив от сына ответа, дядя Мамед-Гасан спросил:

- А что нового в городе, сынок?

Ахмед хотел что-то ответить, но рот у него был набит хлебом. В это время и Иззет покончила с намазом и, повернувшись к мужу, начала строго укорять его за то, что он пристаёт к ребенку.

Дядя Мамед-Гасан послушно замолчал и, взяв четки, начал перебирать их, произнося при этом молитвы.

Иззет встала и, бросив чадру на табурет, пошла за хлебом. Принесла хлеб и предложила мужу поесть. Дядя Мамед-Гасан покорно придвинулся к скатерке. Ахмед уже успел покончить с простоквашей; поэтому, когда дядя Мамед-Гасан придвинул чашку к себе, чтобы обмакнуть хлеб в простоквашу, Ахмед весело хихикнул. Посмотрев на сына, рассмеялся и дядя Мамед-Гасан, Иззет поморщилась и опять принялась распекать мужа.

- Несчастный ты человек, стыда в тебе нет. Я бы на твоём месте плакала, а не смеялась.

- Зачем же ты мне говоришь? Скажи лучше своему сыну.

Я смеюсь или он?

- Зачем мне говорить сыну? Кто не сегодня-завтра едет в Кербалу, ты или мой сын? Ты должен бояться, что товарищи твои уедут в Кербалу и станут кербалаями, а ты, как баба, будешь сидеть дома.

- Иншаллах, и я поеду. Я не хуже других.

Иззет больше ничего не сказала и, опустив голову, продолжала ужинать.

Усталый Ахмед растянулся тут же возле скатерти; отец сделал ему замечание, что за едой нельзя ложиться, но Ахмед пропустил замечание отца мимо ушей.

Дядя Мамед-Гасан и Иззет продолжали есть. Вдруг Ахмед приник лицом к земляному полу и громко зарыдал.

- Что с тобой, сынок? - спросил отец.

Ахмед продолжал плакать. Придвинувшись к сыну, Иззет положила руку ему на плечо и, склонившись к нему, начала спрашивать:

- Детка моя! Ахмед! Почему плачешь?

- Моего осла-а-а! - проговорил сквозь рыдания Ахмед. - Вай, вай, осла, осла, моего осла-а-а!.. Осла-а-а!.. Иззет стала успокаивать сына.

- Не плачь, голубчик мой! Не надо плакать!.. Да сгинет в ад отец хозяина осла! Зачем надо было отдавать осла? До сих пор осел аллах знает где пропадает!

- Осла-а-а! Моего осла! Моего осла-а-а!..

Иззет совсем вышла из себя и накинулась на дядю Мамед Гасана:

- Да встань же, встань! Сходи узнай, что с ослом! Если осел не вернется, мой бедный ребенок не уснет сегодня. Поди же разузнай, что с ним случилось? Посмотри, что сделал с ослом этот Омар сын Омара?

- Да куда мне теперь идти?

- А ад иди, в преисподнюю! Куда еще тебе идти? Посмотри, может, вернулся этот пес, сидит себе дома. Может быть, он уже привел осла. Кто знает, может, он пустил осла к себе во двор. Это же не такой народ, чтобы вернуть чужое добро хозяину...

Призвав на помощь аллаха, дядя Мамед-Гасан тяжело поднялся, и Ахмед перестал плакать.

Короче говоря, дядя Мамед-Гасан пошел к Худаяр-беку, там сказали, что Худаяр-бек еще не вернулся. Оттуда он опять вышел на дорогу в город, но в темноте ничего не мог различить.

Удрученный и разбитый, дядя Мамед-Гасан вернулся домой, но, боясь сказать, что осла до сих пор еще нет, не знал, как войти. Постояв немного у ворот, он зашел в хлев. Там было темно. Вдруг что-то хрустнуло в глубине хлева. Дядя Мамед-Гасан радостно издал звук, которым обычно зовут осла:

- Чоше!..

В это время и Иззет оказалась во дворе, услышав из хлева голос дяди Мамед-Гасана, решила, что тот привел осла.

- Ахмед, поздравляю! - радостно крикнула она сыну. - Осел вернулся!

Ахмед стрелой выскочил из комнаты и, задыхаясь от радости, подбежал к матери.

- Мама, где осел? Мой осел, мой осел! А где же он, мама?

- Идем, детка, идем. Отец загнал его в хлев. Наверное, уже лет тридцать Иззет не бегала так проворно. Добежав до дверей хлева, Ахмед бросился внутрь и позвал отца.

- Что тебе, сынок? - спросил дядя Мамед-Гасан.

- Осла! Моего осла! Отец, моего осла-а-а!..

- Осла еще нет, сынок. Не знаю, почему до сих пор не вернулся этот собачий сын.

Это было выше сил Ахмеда. Услышав слова отца, он тут же, у дверей хлева, грохнулся наземь и заголосил. Иззет и дядя Мамед-

Гасан тоже начали плакать: Иззет с горя, а муж ее- от бессильного гнева.

До самого утра Ахмед не сомкнул глаз.

Не спала и Иззет.

Не спал и дядя Мамед-Гасан.

Прочитав заключительную молитву, кази сказал:

- Да благословит аллах! - и, положив брачный акт перед собой, обратился к присутствующим:

- Теперь подойдите и подпишите.

Рядом с кази, на почетном месте, сидел Худаяр-бек. Пониже Худаяр-бека сидел молодой человек лет двадцати двух-двадцати трех. Это был рассыльный данабашского главы и приятель Худаяр-бека Гасымали, которого мы уже знаем.

Дальше сидели двое других мужчин - Кербалай-Кафар и Кербалай-Сабзали, тоже данабашцы. Первому было лет тридцать, а то и тридцать два, а второму не более сорока. Оба они закадычные друзья Худаяр-бека.

Мы, конечно, знаем уже, зачем собрались здесь эти господа. Привел их сюда Худаяр-бек. Гасымали представляет Зейнаб, а двое других - свидетели.

Мы конечно, знаем и о том, что их представительство и свидетельство ложны. Поэтому-то все они, по совету Худаяр-бека, представились кази под вымышленными именами.

Гасымали назвался Велигулу, сыном Зейнаб, и сказал кази, что мать уполномочила его выразить от ее имени согласие выйти замуж за Худаяр-бека.

Кербалай-Кафар назвался Кербалаем-Бахшали, а Кербалай-Сабзали Мешади-Оруджем; они оба подтвердили слова Гасымали-Велигулу.

Итак, кази прочитал последнюю молитву, положил перед собой листок брачного акта и, поздравив Худаяр-бека, обратился к остальным, которых я уже представил вам, с предложением подойти и подписать.

- Кази-ага! - взволнованно сказал Гасымали. - Я не могу подписать.

То же самое сказали Кербалай-Кафар и Кербалай-Сабзали,

- Как то есть не можете подписать? - удивленно спросил кази.

Все трое ответили, что они неграмотны и писать не умеют.

Тогда кази сказал, что им надо привести грамотного человека, который мог бы подписаться за них. Они попросили кази, чтобы он взял этот труд на себя, и расписался за них. Казии подумал немного и решительно отклонил их просьбу.

Гасымали встал, чтобы пойти за грамотным человеком, но в дверях остановился и, подумав, повернулся к кази:

- Казии-ага, где мне теперь в незнакомом городе отыскать человека, который бы пришел сюда расписаться за нас? Будь милостив, распишись уж сам...

Быть может, раньше кази и согласился бы расписаться за них, но теперь ни за что бы этого не сделал, потому что из их разговора, и особенно из последних слов Гасымали он впал в подозрение, что тут кроется какая-то хитрость. Казии был опытный в таких делах человек.

- Нечего зря болтать, - настаивал кази. - Давно бы уже привел человека...

Не прошло и получаса, как брак был оформлен. Казии вторично благословил новобрачного, после чего Худаяр-бек, Гасымали и оба кербалай собрались уходить.

- Казии-ага, - остановился Худаяр-бек, - у меня один вопрос. Нечего и говорить, что та женщина теперь моя законная жена. Но дело, кази-ага, в том, что та женщина несколько строптива. Не то чтобы очень, но немного не в себе. Ну, как не в себе? Просто не в своем уме, вроде как бы помешанная. Конечно, вы убедились сейчас, что она сама выразила желание быть моей женой. Вот же Велигулу, ее сын, налицо. Не так ли, Велигулу? Да, вот и он не отрицает, что его мать немного не в своем уме, то есть не все у нее дома... Может случиться, что мы вернемся в село, а у женщины - я говорю про Зейнаб - вдруг приступ помешательства начнется. Как тогда быть?

Казии открыл было рот, чтобы ответить, но Гасымали предупредил его.

- Это правда, кази-ага! Клянусь твоей головой, моя мать немножко не в своем уме. С самой смерти покойного моего отца

она каждый день плакала, плакала и доплакалась до того, что у нее помутился разум. Правда, кази-ага, у моей матери бывают приступы помешательства. Не дай бог, как начинается этот приступ, ничего с ней не сделаешь.

- Что ж, парень, - сказал кази, перебирая четки, - разве нет в вашем селе аксакалов? Разве у вас помешанные и сумасшедшие предоставлены своей воле? Не должно этого быть. В городе вовсе не так. Если в городе кто-нибудь сходит с ума, его хватают и сажают в тюрьму. И столько бьют, столько держат его голодным, без воды, что сумасшедший наконец приходит в себя.

Когда кази кончил, Худаяр-бек снова обратился к нему:

- Все может быть, кази-ага, кто знает... Вдруг, вернувшись в селение, мы застанем женщину в приступе и она заартачится: не хочу-де выходить за него замуж. Что мне тогда делать? Эта женщина настолько помешана, до того потеряла рассудок, что может вовсе отказаться от своих слов и заявить, что она даже сына не уполномочивала.

- Как она посмеет говорить этакое? - вмешался в разговор Кербалай-Кафар. Что значит, она не уполномочивала сына? А мы на что тут? При нас обоих она уполномочила сына. Кто станет слушать ее?

Положив руку на плечо Худаяр-бека, кази сказал ласково: - Милый мой, это не твое дело. Ты отправляйся себе в деревню и предложи Зейнаб, чтобы она собралась и пришла в твой дом женой, как она сама на то согласилась и уполномочила сына заявить об этом здесь. Если начнет артачиться, если скажет, что не хочет, что сына не уполномочивала, ты тотчас же возвращайся ко мне или напиши и пришли мне прошение. Я напишу начальнику, что жена такого-то сбежала от мужа и отказывается ему подчиняться. Ее, как собачий труп, приволокут к тебе в дом. Будь покоен.

Худаяр-бек и его приятели вышли от кази и по длинной улице направились к базару. Дойдя до бани, Худаяр-бек остановился и, устало присев на выступ у входа в баню, достал трубку.

Выходившие из бани женщины с удивлением озирались на рассевшихся тут крестьян, одни насмешливо, другие, ворча что-то

себе под нос, проходили мимо них.

Наконец крестьяне поняли, что сидеть тут неудобно.

- Давайте уйдем отсюда, - сказал Худаяр-бек, поднимаясь. - От женщин добра не жди! Уйдем подальше от греха.

Пройдя дальше, они остановились у развалившейся стены на берегу речки. Худаяр-бек, с трубкой в зубах, сел на корточки и, положив локти на колени, в раздумье опустил голову. Остальные присели около него. Худаяр-бек пососал трубку, пустил дым и, ни к кому не обращаясь, сказал:

- Ну, что? Куда мы теперь пойдем?

- Куда еще идти, как не домой, - ответил Гасымали. Худаяр-бек встал; за ним поднялись Гасымали и Кербалай-Сабзали, но Кербалай-Кафар не сдвинулся с места.

- Худаяр-бек, - сказал он нерешительно. - Послушай-ка, что я скажу. Я хоть и не стар, но опыта набрался достаточно. Готов поклясться чем хочешь, что эта женщина никогда добровольно не войдет в твой дом и не станет тебе женой. Не станет, определенно не станет, я ее хорошо знаю. Разве только насильно приведешь ее к себе. Вот я и советую, теперь же, пока ты в городе, не откладывая дела, отправиться к начальнику и пожаловаться, что твоя жена тебе не подчиняется, что она не желает жить в твоём доме. Я думаю, что так будет лучше. Не знаю,

как ты?

Худаяр-бек снова сел и опустил голову. Вслед за ним сели Гасымали и Кербалай-Сабзали.

- Нет, это будет нехорошо, - возразил Кербалай-Сабзали, - аллах не примет такого дела. А может быть, женщина и не станет противиться, быть может, она согласится? Зачем же зря ходить к начальнику и жаловаться. Он еще прикажет привести женщину в канцелярию. Нет, жалко ее. Аллаху это не будет угодно.

После непродолжительного спора сошлись на том, чтобы Худаяр-бек теперь же отправился к начальнику с жалобой на непокорную жену.

* * *

В этот день очутился в городе и дядя Мамед-Гасан. Взяв башмаки

в руки и положив в карман несколько свернутых лавашей, бедный старик босиком поплелся в город и добрался кое-как до известного уже нам караван-сарая,

Кербалай-Джафар, содержатель караван-сарая, сидел у ворот на камне и жевал хлеб с сыром. Дядя Мамед-Гасан приблизился к нему, и приветствовав его, сказал:

- Да благословит аллах память твоего отца, кербалай, потрудись-ка, выведи моего осла. Клянусь аллахом, завтра паломники выезжают и осел мне очень нужен. Встань-ка, встань, да благословит тебя аллах.

Дядя Мамед-Гасан кончил свою речь, но, поглядев на содержателя караван-сарая, решил, что тот оглох, не слышит. Так решил бы и всякий другой на месте дяди Мамед-Гасана, потому что Кербалай-Джафар не только ничего не ответил, но даже головы не повернул, чтобы посмотреть, кто это обращается к нему. Не подавая вида, что слышит, он продолжал есть.

Дядя Мамед-Гасан и вправду решил, что тот оглох, и, подойдя вплотную, наклонился к его уху и сказал громко:

- Кербалай, да благословит аллах память твоего родителя, будь так добр, выведи осла, чтобы я взял его. Клянусь аллахом, завтра паломники выезжают... Я могу отстать...

И вдруг Кербалай-Джафар так вскрикнул, что дядя Мамед-Гасан вздрогнул и попятился назад.

- К черту, можешь отстать? Мне что за дело? Надоели!.. Ты мне что, поручал осла? С ума ты спятил или напился?

Дядя Мамед-Гасан протянул к нему обе руки и умоляюще сказал:

- Кербалай, побойся аллаха! Отдай мне моего осла, отпусти меня. Ради аллаха, не задерживай меня!

- А при ком ты мне его поручал? Да пойми ты, что будь твой осел даже в конюшне, и то я не мог бы отдать его тебе, потому что не ты ведь оставил его у меня. А кроме того, осла здесь нет. Кто приводил его, тот и взял.

- Значит, Худаяр-бек взял?

- Не знаю, какой бек взял. Ваш сельский староста взял.

- А ты не знаешь, куда он увел осла?

- Откуда мне знать?.. В преисподнюю увел.

- А может быть, взял его на Гейдарханский мост камни возить?

Кербалай-Джафар не ответил и, встав с места, направился к базару. Дядя Мамед-Гасан все же позвал его и попросил хотя бы сказать, куда Худаяр-бек увел осла.

Видимо, Кербалай-Джафар сжалился над стариком. Он вернулся обратно и мягко объяснил ему, что, правда, Худаяр-бек приводил какого-то осла, но потом опять взял.

Дядя Мамед-Гасан в совершенном отчаянии еще раз спросил его, куда же он увел осла.

- В ад! - коротко ответил Кербалай-Джафар и, не оборачиваясь, пошел по направлению к базару.

Дядя Мамед-Гасан очень устал. От селения Данабаш до города два с половиной агача пути. Пройти такой путь пожилому человеку очень трудно.

Дядя Мамед-Гасан сел на камень у ворот караван-сарая, где минуту тому назад сидел Кербалай-Джафар, прислонился к стене, обнял колени и погрузился в тяжелое раздумье.

Прямо надо сказать, дядя Мамед-Гасан был в отчаянии. Мысли, мрачные мысли одолевали бедного старика. Он вспомнил о минувших днях. Перед ним встало его детство.

"Эх, детство, детство! Славное время, черт возьми! О хлебе не думаешь, об одежде не беспокоишься, о детях не заботишься. И понятия не имеешь, что такое бедность!.."

Воображение увело его к далекой поре юности. Он вспомнил об обидах, нанесенных ему дядьями, промотавшими его состояние и ввергнувшими его в пучину бедности.

После этого он вспоминал о том, как ездил в чужой город на заработки и вернулся с пустыми руками. Он глубоко вздохнул и поблагодарил аллаха.

Словом, какую бы пору своей жизни ни брал, он убеждался в том, что на лбу его начертано одно лишь горе.

И все же больше всего угнетала дядю Мамед-Гасана одна мысль, он не сомневался, что все это совершалось по воле всемогущего аллаха. Не бывает на свете ни одного события, о котором бы не ведал всезнающий. Вот взять случай с ослом. Ведь если с ослом

случится что-нибудь, он отстанет от товарищей и лишится возможности поехать на поклонение.

Как теперь это понять?

Путь в Кербалу - благой путь. Раз кто-нибудь задумал поехать в Кербалу, надо, чтобы аллах ему помог в этом деле. Это бесспорно. И вот теперь, когда осла привели сюда и хотят загубить, почему же повелитель вселенной не мешает этому злему делу, почему он, всемогущий, не карает виновников? Следовательно, аллаху безразлично, отправится дядя Мамед-Гасан в паломничество или не отправится? Стало быть, он, творец, не благоволит к дяде Мамед-Гасану.

Эти мысли терзали дядю Мамед-Гасана. Вскоре он пришел к полному убеждению, что аллах не благословляет его поездку в Кербалу, потому и приключаются с ним все эти беды.

Почти два часа просидел так дядя Мамед-Гасан, предаваясь печальным мыслям. Наконец он вторично воздал хвалу аллаху и встал. Целый час он бродил по городу, надеясь где-нибудь случайно наткнуться на Худаяр-бека. После долгих поисков он направился в канцелярию начальника.

Он шел к начальнику не с тем, чтобы пожаловаться на Худаяр-бека или на содержателя караван-сарая. Вовсе нет, не дай бог! Дядя Мамед-Гасан человек смирный. Он не любитель всяких кляуз и сутяжничества. И, наконец, в такое время принесение жалобы само по себе уже весьма рискованное дело, так как жалобщик заранее должен быть уверен в том, что сумеет поддержать свою жалобу, а поддержать жалобу можно со свидетелями. У дяди Мамед-Гасана нет свидетелей, потому что нет денег. Правда, и у Худаяр-бека денег нет, но зато у него в руках есть толстая дубинка. Когда хочет, поднимает, когда хочет, опускает ее.

В селении Данабаш к такой толстой кизиловой дубинке питают ничуть не меньше уважения, чем к деньгам, там и деньги не обладают той властью, которой обладает такая дубинка.

По всем этим причинам и еще потому, что по самой своей натуре он человек мирный, дядя Мамед-Гасан никогда бы не решился пожаловаться на Худаяр-бека.

Когда дядя Мамед-Гасан вошел в управление начальника, как

назло сам начальник вышел на балкон и, увидев дядю Мамед-Гасана, пальцем поманил его к себе.

На балконе, вытянув руки по швам, стояли в ряд несколько стражников. Начальник подозвал одного из них к себе и, обернувшись к дяде Мамед-Гасану, что-то сказал тому по-русски. Подошедший стражник перевел вопрос начальника зачем дядя Мамед-Гасан пришел к нему?

Дядя Мамед-Гасан растерялся, не зная, что ответить. Потом, краснея и дрожа, заплетающимся языком пробормотал:

- Право, не знаю, ага, что случилось с моим ослом? Взяли его возить камни на Гейдарханский мост или же содержатель караван-сарая меня обманывает. Говорит, что осла у него нет.

Из этого лепета дяди Мамед-Гасана стражник ничего не понял. Начальник рассердился и велел стражнику вызвать переводчика.

Из канцелярии прибежал высокого роста человек и вытянулся перед начальником.

Начальник сказал ему что-то, и переводчик обратился к Мамед-Гасану:

- Что ты хочешь, дядя?

- Ей-богу, ага, не знаю, взяли моего осла на мост Гейдар-хана, или содержатель караван-сарая держит его у себя. Тогда почему не отдает? А завтра паломники выезжают. Не знаю, что делать, в тяжелом я положении...

Расспросы длились довольно долго. Из слов дяди Мамед-Гасана ни переводчик, ни начальник ничего не поняли. Как ни бился переводчик над тем, чтобы дядя Мамед-Гасан ясно и подробно изложил свою жалобу, ничего не мог добиться.

- Ей-богу, ага, - только и твердил дядя Мамед-Гасан, - не знаю, на мост взяли моего осла или содержатель караван-сарая запрятал его и не отдает мне...

Наконец начальник решил, что этот человек не в своем уме, и прогнал его из управления.

Дядя Мамед-Гасан был так расстроен, что не заметил Худаярбека, Гасымали, Кербалай-Кафара и Кербалай-Сабзали, которые стояли тут же, в двух шагах от него.

Когда дядя Мамед-Гасан отошел в сторону, Худаярбек вышел

вперед и доложил начальнику, что его жена Зейнаб не подчиняется ему. Переводчик перевел его жалобу начальнику, который ответил, что в такие дела он не вмешивается и что проситель должен обратиться к кази.

Худаяр-бек со своими товарищами направился к выходу. За ними побрел и дядя Мамед-Гасан.

- Худаяр-бек! - сказал он, когда они вышли на улицу. - Пускай твои болезни перейдут на меня, скажи, куда делся мой осел? Ведь завтра паломники выезжают, а я могу остаться.

- Ладно, дядя Мамед-Гасан, - только и сказал Худаяр-бек. - Отложим разговор до села. Я с тобой там поговорю. Значит, жаловаться на меня вздумал? Ладно, сочтемся.

- Худаяр-бек, - взмолился дядя Мамед-Гасан. - Клянусь Кораном, твое имя даже не упоминалось. Я и не думал жаловаться. Зашел в канцелярию посмотреть, нет ли там тебя. А тут начальник заметил меня и подозвал к себе. И как он ни спрашивал, я твоего имени не назвал.

Еще раз пригрозив старику, Худаяр-бек с товарищами отошел от него и направился прямо к кази.

Сделав за ним еще два шага, дядя Мамед-Гасан остановился и растерянно смотрел им вслед, пока те не завернули в переулок.

И тут дядя Мамед-Гасан заплакал. Ей-богу, заплакал, Да как заплакал! Как ребенок малый...

Ему больше нечего было делать в городе. Все дела были закончены. Он мог идти на все четыре стороны. Сняв башмаки, он взял их под мышку и со словами: "Слава твоему могуществу и величию, аллах!" - пустился в обратный путь.

Придя к кази, Худаяр-бек пожаловался, что жена его Зейнаб не хочет жить у него в доме и ушла в дом покойного мужа. Сказав все это, он привел товарищей в свидетели.

- Ха-ха-ха! - расхохотался кази. - Да ты же шутник, бек! Ха-ха-ха! И часа нет, как ты ушел отсюда, каким же образом ты успел побывать в селе и вернуться? Как ты успел узнать, что "жена тебе не подчиняется? Ха-ха-ха! Ну и шутник же ты! И какая у тебя жена строптивая. Невыносимая жена! Ха-ха-ха!.. Ну, ладно, я сейчас же приму меры, чтобы она стала мягче воска.

С этими словами он достал из-под тюфячка клочок бумаги и, взяв перо, начал писать:

- "ЕГО СТЕПЕНСТВУ ГЛАВЕ СЕЛЕНИЯ ДАНАБАШ ОТ
УЕЗДНОГО КАЗИ Н-СКОГО УЕЗДА

Вследствие жалобы жителя селения Данабаш Худаяр-бека Наджафгулу-бек-оглы в управление Н-ского уездного кази о том, что законная его жена Зейнаб, дочь Кербалай-Зейнала, шестнадцатого числа сего месяца сафара, ушла из его дома и не желает подчиняться ему, обращаюсь к вам с просьбой вернуть вышеозначенную жену в его распоряжение с тем, чтобы она более не покидала его дома и слушалась его.

Кази Н-ского уезда

Гаджи-Молла-Сафар-Салиб

Султан-заде"

Написав, он сложил бумагу и, вложив в конверт, протянул Худаяр-беку.

- Возьми это и передай вашему главе. Я написал тут, чтобы он насильно приволок твою жену в дом и принудил ее подчиняться всем твоим требованиям.

Сегодня семнадцатое сафара. Сегодняшний день в селении Данабаш напоминает день ашура. Сегодня паломники из селения Данабаш пускаются в путь, в далекий путь, ведущий в Кербалу.

Рано утром село огласилось пением чавуша, который верхом на коне объезжал дома паломников. Остановливая лошадь у дома каждого паломника, он вызывал хозяина, получал свой подарок и ехал дальше.

Объехав таким образом большую часть села, чавуш принялся зазывать паломников квартала Чайлах. Остановив лошадь у ворот Зейналабдина, он начал петь. Со двора вышел мальчик лет шестнадцати, неся в одной руке чашку со сладким напитком гендаб, а в другой - пару пестрых шерстяных носков.

Чавуш выпил гендаб, положил носки в хурджин и, отъехав от ворот Зейналабдина, остановился у сакли дяди Мамед-Гасана и снова начал пение.

Он еще не кончил петь, когда со двора вышел дядя Мамед-Гасан. Лицо его было залито слезами. Продолжая плакать, он подошел к

чавушу и упал к ногам его лошади.

Лошадь оказалась спокойной и не сдвинулась с места.

Расцеловав копыта лошади, дядя Мамед-Гасан поднялся и, достав из-за пазухи какую-то бумагу, протянул ее чавушу.

-Кербалай, что это? - с удивлением спросил тот.

Слезы не давали говорить дяде Мамед-Гасану. В это время на улицу вышла закутанная в чадру жена дяди Мамед-Гасана с Ахмедом, и оба они, обливаясь слезами, подошли к чавушу.

Отдав бумагу чавушу, дядя Мамед-Гасан припал к груди лошади, потом стал целовать ноги чавуша. Пораженный всем этим, чавуш обратился к жене дяди Мамед-Гасана:

- Сестра, в чем дело? А где же подарок кербалая?

- Братец, - простонала СКРОЗЬ слезы Иззет, - не суждено было Мамед-Гасану ехать в Кербалу. Да накажет аллах виновника, да оставит аллах его детей в слезах!

Дядя Мамед-Гасан с трудом выпрямился и начал бормотать прерывающимся голосом:

- Вези, братец, вези!.. Вези мою жалобу!.. Хазрат-Аббасу отвези! Я не сумел поехать... не сумел... Не пустили... помешали мне... похитили моего осла... съели... продали... Отвези мое прошение, голубчик... А я останусь...

- Чавуш! - прервала мужа Иззет. - Вези эту жалобу Хазрат-Аббасу. Хазрат-Аббас сам накажет того, кто лишил моего мужа возможности совершить благое дело! Имам должен наказать его.

Чавуш достал из-за пазухи пачку таких же жалоб, приложил к ним прошение дяди Мамед-Гасана и, сунув пачку обратно в карман, мягко сказал:

- Дядя, сестра! Ничего, не горюйте. И прочитал по-фарсидски стих:

Коль злой судьбы стрела летит, Аллаха воля - лучший щит.

- Не горюйте! Что делать? Не удалось в этом году, иншаллах, если аллах сохранит, если аллах убережет от смерти, иншаллах, поедете в будущем году. Не падайте духом. Нет сомнения, что тот, кто помешал вам, кто не дал вам пройти этот благой путь, кто отстранил вас от этого угодного аллаху дела, будет наказан аллахом. Конечно, аллах его накажет, не может не наказать. Как же не

накажет? Разве это шутка? Это путь в Кербалу. Нет, нет, не надо отчаиваться! И прошение ваше доставлю. Иншаллах, оно будет принято.

Ударив лошадь и отъехав, чавуш снова начал петь.

Постояв еще немного и проводив чавуша, дядя Мамед-Гасан и Иззет вошли в свою саклю.

Был полдень. Паломники собрались на краю селения, на большой площадке около кладбища, чтобы поклониться имам-заде и тронуться в путь.

Тут была почти вся деревня. Мужчины и женщины смешались в одну общую массу. Были тут и конные, были и пешие. Кто смеялся, кто плакал, но большинство плачущих были женщины, - ведь у женщин более мягкое сердце. Одни женщины провожали братьев, другие - отцов, третьи - сыновей или мужей, и все они оплакивали предстоящую разлуку. Ржание лошадей, рев ослов, плач и стоны женщин и детей, сливаясь в общий гул, поднимались до небес.

Окончив поклонение имам-заде, паломники собрались на площади и, распрощавшись с родными и близкими, сели на лошадей и ослов и приготовились отправиться в путь.

Чавуш выехал на середину площади и запел в последний раз, давая этим знать, что пора трогаться. В этот момент к чавушу подошли две женщины, обе босые, обе покрытые черной чадрой. Одна из женщин была высокого, другая низкого роста. Обе плакали.

Подойдя вплотную к чавушу, каждая из этих женщин достала из-под чадры листок бумаги и протянула ему. Чавуш прекратил пение и, нагнувшись к женщинам, принял от них бумаги; затем спросил, что это за бумаги. Обе женщины ответили, что это - прошение на имя Хазрат-Аббаса.

Чавуш достал из-за пазухи ту же пачку жалоб и, присоединив к ним прошения женщин, положил пачку обратно и продолжал прерванное пение.

Обе женщины нам знакомы. Высокая женщина - Зейнаб, низенькая - жена Худаяр-бека, хотя по шариату обе они считаются теперь женами Худаяр-бека, одна - старая, другая - новая.

Паломники двинулись в путь к Кырахдану, а провожавшие

группами и поодиночке повернули обратно в село.

Зейнаб, вся в слезах, вернулась домой и, позвав дочерей, посадила их обеих к себе на колени. При виде плачущей матери начали плакать и девочки.

Вволю наплакавшись, Физза вытерла катившиеся по щекам слезы, посмотрела на мать испытующим взглядом и спросила:

- Мама, скажи, почему ты плачешь?

Зейнаб не ответила. Вытерла концом чадры мокрые глаза и послала проклятие шайтану.

Физза повторила вопрос, и Зейнаб вынуждена была ответить:

- Ей-богу, детка, ничего не случилось, - сказала она. - Просто вспомнила твоего отца и всплакнула.

Физза не поверила объяснению матери и продолжала приставать с тем же вопросом. На этот раз Зейнаб сказала правду и снова залилась слезами:

- Как мне не плакать, дочка! Меня хотят выдать замуж. Не видела, как утром брат твой избил меня. Непременно, говорит, ты должна выйти за Худаяр-бека. Ну, как мне не плакать после этого?

- Ну, хорошо, мама! - сказала, немного подумав, Физза. - Почему бы тебе не выйти замуж? Ну, и выйди. Зачем не выходишь? Разве плохо выходить замуж?

- Да зачем мне, детка, выходить замуж? Такие взрослые женщины замуж не выходят, девушки выходят замуж. На что мне замужество?

- Хорошо мама, но тетка Захра старше тебя, а ведь она вышла замуж?

Зейнаб не нашлась, что ответить.

В этот момент в дом вошли шестеро мужчин. Четырех из них мы уже знаем. Это были Гасымали, Кербалай-Сабзали, Кербалай-Кафар и Велигулу. Двое остальных еще не известные нам люди. Один из них - краснобородый мужчина лет сорока пяти, а то и пятидесяти, в черной папахе. Это глава селения Данабаш Кербалай-Исмаил. Другой мужчина, почти тех же лет, что и первый, с черной бородой, в черной потрепанной папахе, был одет в синий бязевый архалук и белые штаны. Это - приходский молла селения Данабаш, Молла-Мамедгулу.

При виде их Зейнаб встала и отошла в угол. Девочки подошли к матери и, прижавшись к ней, с недоумением и любопытством уставились на гостей.

Тем временем гости расселись на паласе. Выше всех сел молла, справа от него Кербалай-Исмаил, слева - Кербалай-Кафар и Кербалай-Сабзали. Остальные двое - Велигулу и Гасымали - стали у дверей, прислонившись к стене.

Молла-Мамедгулу, Кербалай-Исмаил и Кербалай-Сабзали достали свои трубки и начали набивать их.

- Знаешь ли, сестра, в чем дело? - начал молла, закурив трубку.

- Знаешь, зачем мы пришли?

Зейнаб не ответила, и Молла-Мамедгулу продолжал:

- Мы пришли сюда дать тебе наставление...

- Да благословит аллах память твоего родителя, - быстро прервала его Зейнаб. - Если вы добрые наставники, прежде всего дайте наставление вот этому, что стоит у двери. Скажите ему, чтобы не мучил мать. Сегодня избил меня до полусмерти. Все кости ноют.

- Хорошо, сестра! - сказал молла. - Зачем же ты доводишь до того, чтобы сын наказывал тебя за непослушание?

- А что я делаю плохого? - спросила Зейнаб.

- Ты нарушаешь шариат.

- Проклятие аллаха пусть падет на того, кто нарушает шариат! - с жаром проговорила Зейнаб.

- Проклятие, проклятие! - воскликнул молла.

- Чем же я нарушаю шариат?

- Ты нарушаешь шариат тем, что чинишь препятствия выполнению его заветов. Ты отказываешься исполнять брачные условия.

Зейнаб ничего не ответила, так как не поняла напыщенной речи моллы.

- Разве неведомо тебе, - продолжал тем временем молла, - что ты являешься законной супругой Худаяр-бека? Разве не дошла эта весть до слуха твоего?

- Ты говоришь, что я жена Худаяр-бека? - спросила Зейнаб. - А при ком я давала согласие быть его женой?

- При мне! - закричал тут Гасымали и ударил себя в грудь. - Разве

не ты уполномочила меня вот при этих людях? Ты уполномочила меня! Как можно отказываться от этого?

- Ну, что мне сказать, - проговорила со вздохом Зейнаб.- Пусть будет по-вашему.

- Прекрасно, - снова начал молла. - Теперь ты и при мне подтвердила, что сама уполномочила Гасымали. Что же теперь ты можешь возразить? Почему добровольно не переходишь в дом своего мужа. Ты хочешь, чтобы тебя повели насильно? С позором? Со скандалом?

Глава выбил пепел из трубки на землю и стал снова набивать ее. Повернувшись к Зейнаб, он заговорил громко и повелительно:

-Эй, баба! Открой глаза и посмотри на меня как следует. Вчера я получил предписание от кази. Худаяр-бек пожаловался, что, дескать, моя жена бросила дом и ушла к себе. Не подчиняется, дескать, мужу. А кази написал мне. Если ты сама, по собственному желанию, добром не переселишься к своему мужу, я силой поволоку тебя и брошу туда. Будь уверена в этом и образумься...

Зейнаб молчала, девочки принялись плакать.

Опять пришел черед говорить молле. Он повернулся лицом к Зейнаб и стал читать ей наставления:

- Да, сестра! Это нехорошо, аллаху не угодно, если ты и себя подвергаешь мукам, и детей заставляешь плакать. Не делай этого? Соберись с умом и молча пойдя в дом твоего законного мужа. Теперь уже дело кончено, ты супруга Худаяр-бека. Теперь ты не имеешь никакого права отказываться. Если ты хочешь подчиняться шариату, то должна поступить так, как я говорю. Если ты считаешься со мной, то верь мне, если не считаешься, не верь. Это твое дело. Если хочешь, чтобы тебя повели насильно, пускай ведут. Мне более нечего сказать.

Молла-Мамедгулу сунул трубку в кисет и, набив ее табаком, достал оттуда. Затем протянул Кербалай-Исмаилу кусочек трута, зажег его, и положив на табак в трубке, продолжал свою проповедь:

- Да, сестра моя! Ты должна понять, что теперь дело конченное и ты супруга Худаяр-бека. Шариат не дает права жене сидеть у себя дома и не покоряться мужу. Подумай, что будет, если ты не подчинишься. Я напишу начальнику, что супруга такого-то,

нарушив брачные обязательства, не подчиняется велениям шариата. Знаешь ли ты, что тогда будет? Начальник пришлет пристава. Свяжут тебя по рукам и по ногам и повезут в город, чтобы ты держала ответ перед властями. Зачем ты хочешь довести дело до того, чтобы тебя с позором везли в город? Увидит друг - огорчится, увидит недруг - возрадуется...

После этого опять начал глава:

- Ну, что скажешь? Не задерживай нас. Если идешь добром, иди. Если же нет, я поступлю, как знаю. Смотри ты у меня! Клянусь аллахом, после раскаиваться будешь!

Зейнаб, ничего не отвечая, застыла в том же положении. Молчание, говорят, знак согласия. Сидевшие именно так и поняли молчание Зейнаб и, поднявшись, собрались уходить.

Первым поднялся Кербалай-Исмаил и, помахав плеткой в сторону Зейнаб, сказал угрожающе:

- Эй, баба! Мы уходим. Даю тебе срок до вечера. Вечером пришло Гасымали за ответом. Клянусь создателем, если начнешь кривляться, я не дам тебе житья в этом селе. Наконец, если ничего не поможет, я напишу начальнику, что такая-то женщина ушла от мужа и занялась дурными делами. Клянусь творцом, напишу.

Гости вышли. Велигулу остался и, тыча в сторону матери указательным пальцем, пригрозил:

- Слушай, мать! Я говорю тебе прямо, если/ты ответишь Гасымали отказом, я сегодня же отделюсь от тебя и уйду к тестю, а через месяц справлю себе свадьбу и перестану звать тебя матерью. Вот мое последнее слово. Прощай!

Велигулу ушел.

В скверном положении очутилась Зейнаб. Угроза Велигулу, что он отделится и не станет ходить домой, подействовала на нее больше всего.

Что было делать несчастной женщине? Как может семья обойтись без мужчины?

Словом, муки эти - великие муки!

Зейнаб устала стоять в углу. Ноги ныли. Когда мужчины вышли, она присела, обняв изнемогавших от слез детей. Вскоре обе девочки уже сладко спали на коленях у матери.

Выплакав остаток слез, Зейнаб прислонилась головой к стене и отдалась своим мыслям.

Я не хотел бы рассказывать вам о горе Зейнаб, о ее мыслях, о мучивших ее сомнениях, о глубине ее скорби. Я не хотел делать этого, боялся, как бы и вы не расплакались.

Но, ничего не поделаешь, я обязан исполнить свой долг.

Зейнаб находилась между двух огней. Один обжигал с этой, другой - с той стороны. Как ни старалась она каким-нибудь образом выскользнуть из огненного кольца, ей это не удавалось. Один из жегших ее огней - необходимость выйти замуж за Худаяр-бека, другой - опасности, которые ждут Зейнаб, если она откажется.

Мысль о том, чтобы быть женой Худаяр-бека, огнем жгла Зейнаб, он был противен ей, как иным людям бывает противна, скажем, лягушка. Такому человеку невыносима мысль взять лягушку в руки, положить ее к себе на грудь; так же ужасна, а то и еще ужаснее для Зейнаб мысль смотреть на чудовищный нос и отвратительную рожу Худаяр-бека и называть его мужем.

А мысль не выходить замуж за Худаяр-бека тоже огнем жгла Зейнаб, пугала ее. Какая нужна сила, чтобы выдержать весь этот натиск, эти страдания, позор, угрозы, чтобы выступить против всех: кази, начальника, моллы, главы, свидетелей, Велигулу, всех людей, решиться на борьбу с ними.

Этой силы не было и не могло быть не то что у Зейнаб, на даже у ее бабушек и прабабушек.

Говоря по справедливости, что было делать Зейнаб?

С одной стороны, Велигулу отделится и уйдет. Как быть тогда с посевом? А скотина? Дом, двор, пашни, торговля? Как быть совсем этим?

Прибавьте к этому боязнь быть насильно увезённой в город, где ей придётся с позором держать ответ перед начальником. А то может быть еще хуже. Вовсе не пошлют ее в город. Зачем посылать ее в город? Глава ведь имеет официальную бумагу от кази. Глава теперь полновластен над Зейнаб. Он может просто взвалить Зейнаб на спину Гасымали и перетащить в дом Худаяр-бека. И он сделает это. Непременно сделает. Сделает, во-первых, потому что это его обязанность. А во-вторых, всем известно, что глава женат на матери

Худаяр-бека, значит Худаяр-бек приходится ему пасынком. Стало быть, он доведет все до конца, доведет, во чтобы то ни стало.

Зейнаб - женщина с умом, она прекрасно все это понимает.

"Что делать?" Целых два часа Зейнаб билась над этим вопросом, но так и не нашла ответа.

Отворилась дверь, и вошел Гасымали.

- Ну, что скажешь, сестра? Что мне передать главе? Согласна или нет?

Зейнаб была похожа на человека, который поставил перед собой сосуд с ядом и не знает, как быть - выпить или нет.

Не выпить - страдания и горе убьют.

Выпить - яд унесет в могилу.

"Все равно пропадать", - решает человек и пьет отраву.

Согласиться выйти замуж за Худаяр-бека было для Зейнаб равносильно решению принять яд.

И когда Гасымали повторил свой вопрос, она собрала все силы и, преодолевая отвращение, процедила сквозь зубы:

- Согласна...

ЭПИЛОГ

Минуло три года. Пошел четвертый.

Был декабрьский полдень. Погода стояла хорошая. Несмотря на холодный ветерок, чувствовалось, как греет солнце.

Воспользовавшись погожим днем, крестьяне сидели на земле около своих домов и беседовали.

У сакли дяди Мамед-Гасана тоже сидела группа крестьян.

В конце улицы показался незнакомый крестьянин, погонявший нескольких нагруженных ослов. Караван приблизился к сидевшим и хотел уже пройти, когда от группы крестьян отделился старик, бросился к ослам и, схватив одного из них, серого, со всех сторон стал внимательно разглядывать его морду.

Решив, что старик хочет купить осла, погонщик подбежал к ослам, остановил их посреди дороги и подошел к старину, продолжавшему осматривать осла. Старик кружился вокруг осла, разглядывал его сзади, спереди, осмотрел морду, по/том ноги, пощупал даже хвост. Наконец открыл ему пасть и посмотрел зубы.

- Клянусь аллахом, второго такого осла не сыскать! - начал

расхваливать осла погонщик. - И силы же у него. Посмотри, сколько я нагрузил на него. Целых семь пудов. Если думаешь купить, отдам недорого.

Старик еще раз раскрыл пасть осла и, внимательно осмотрев ее, поднял голову:

- Скажи-ка, племянничек, у кого ты купил его?

- На что тебе знать, дяденька, у кого купил. Если хочешь купить, продам, а нет, так не задерживай меня.

К ним подошли и остальные крестьяне, сидевшие у стены.

- Мешади-Орудж! - обратился старик к одному из них. - Посмотри-ка и ты этого осла. Я что-то сомневаюсь насчет него...

Погонщик, очевидно, почуял что-то неладное; услышав слова старика, он ударил осла по крупу и хотел увести его, но старик не отпустил.

Мешади-Орудж также внимательно оглядел осла со всех сторон и повернулся к старику.

- Дядя Мамед-Гасан, - сказал он, - я знаю, почему ты сомневаешься. Ты хочешь сказать, что это твой осел.

Погонщик опять ударил осла, чтобы уйти с ним, но дядя Мамед-Гасан и Мешади-Орудж помешали ему.

Крестьяне, собравшись вокруг осла, осматривали его.

- Племянник, - снова обратился дядя Мамед-Гасан к погонщику, - заклинаю тебя двенадцатью имамами, скажи правду, у кого ты купил этого осла.

- Клянусь аллахом, дяденька, я купил его ровно пять лет назад у карабахца за одиннадцать рублей.

Около осла собралась уже толпа человек в пятьдесят, и каждый, знавший в свое время осла дяди Мамед-Гасана, подтвердил, что это тот самый осел и есть.

Дядя Мамед-Гасан схватил погонщика за ворот и вывел его из толпы с тем, чтобы потащить к главе Кербалай-Исмаилу. Выйдя из толпы, дядя Мамед-Гасан крепко взял погонщика за кушак и хотел было вести его дальше, но в это время из узенького переулочка показался Худаяр-бек в дорогой папахе, суконной чухе и белых штанах. В руке у него была прежняя кизилловая дубинка. Увидя столпившихся крестьян, он подошел к ним. Дядя Мамед-Гасан

рассказал о случившемся и просил рассудить его с погонщиком.

Худаяр-бек растолкал крестьян и, подойдя к ослу, внимательно осмотрел его со всех сторон. Он узнал осла.

- Да, - проговорил он, - это осел дяди Мамед-Гасана.

Затем он повернулся к погонщику и строго спросил: Эй, где ты купил осла?

Погонщик сказал ему то же самое, что ответил дяде Мамед-Гасану. Худаяр-бек поднял дубинку и стал так лупить погонщика, что тот наконец не выдержал и, упав к ногам Худаяр-бека, стал умолять, чтобы он отпустил его душу на покаяние.

Вот каким образом был найден осел дяди Мамед-Гасана.

Худаяр-бек приставил Гасымали к погонщику ослов, чтобы тот вывел его из села, а погонщику велел больше никогда не появляться в этих краях.

Благодаря Худаяр-бека, прославляя его добродетели, дядя Мамед-Гасан погнал осла к себе в хлев.

Но не покажется ли вам странным, что до сих пор не видно сына дяди Мамед-Гасана, Ахмеда? Сколько тут народа собралось, сколько тут шума было, но ни Ахмед не появился, ни жена дяди Мамед-Гасана не высунула голову из ворот, чтобы узнать причину этой суматохи.

Ахмед умер. Умерла и жена дяди Мамед-Гасана.

В прошлом году Ахмед заболел горлом и помер. После его смерти два месяца горевала по нем мать и тоже приказала долго жить. Дядя Мамед-Гасан каждый раз клянется, что в сына и жену его унесла тоска по ослу.

И вот теперь осел отыскался.

Отдав осла дяде Мамед-Гасану, Худаяр-бек вышел из толпы и, пройдя по тому же узенькому переулку, вошел в большие ворота.

Во дворе, в изодранном бязевом архалuke и поношенной серой папахе Велигулу выгребал лопатой навоз.

Пройдя мимо него, Худаяр-бек стал у ступеньки и громко позвал:

- Эй, Зибa, дай-ка мне кувшин с водой.

Дверь в комнату открылась. Хорошенькая девочка лет семи-восьми вынесла глиняный кувшин и, поставив его около Худаяр-

бека, вернулась в комнату, дрожа всем телом.

Худаяр-бек стал совершать омовение перед молитвой.

Девочка нам знакома. Это Зиба, дочь Зейнаб.

Всякий, увидев ее одежду, понял бы сразу, что она сирота.

Помимо крайней ветхости, одежда была ей не по росту. Видно было, что все это с чужого плеча. Старая, вылинявшая юбка из дешевого ситца доходила ей до пят, хотя она должна была быть значительно короче; поношенный архалук из черного ластика, не в меру широкий и длинный, сидел на ней мешком; голова ее была повязана старым черным платком; на ногах - большие мужские башмаки.

Покончив с омовением, Худаяр-бек вошел в комнату. Эта была небольшая комната. У задней стены стоял кюрс - табурет, накрытый хорошим большим одеялом, поверх которого был постлан еще новенький джеджим. Свет падал в комнату через два маленьких оконца, по-видимому, недавно пробитых в стене. В остальных трех стенах было по паре ниш, в которых размещались маленькие сундучки, шкатулки, медная /и фарфоровая посуда, разные узелки и связки одежды. В одной из ниш стоял кальян.

К стене слева было прислонено несколько больших круглых подносов. Пол был покрыт паласами и грубым деревенским ковром. На кюрс стоял самовар, под который была подложена медная тарелка. Самовар уже закипел, чай был заварен.

Словом, для деревни это была хорошо обставленная, нарядная комната.

В комнате за кюрс сидела молодая женщина лет четырнадцати-пятнадцати, не больше. О том, красива она или нет, ничего определенного сказать нельзя; она до того намазалась румянами и пудрой, выкрасила брови и подвела глаза сурьмой, что настоящее ее лицо скрылось под этой косметикой.

Худаяр-бек прошел и сел также за кюрс. Молодая женщина придвинула к себе два стакана и начала мыть и перетирать их.

У входа стояла Зиба с завернутым в одеяльце ребенком. Ребенок плакал, и Зиба подпрыгивала на месте, чтобы успокоить его, при этом что-то мурлыкала себе под нос.

Молодая женщина налила чай и поставила один стакан перед

Худаяр-беком, а другой перед собой. После этого она позвала Зибу и, взяв у нее ребенка, начала кормить грудью. Ребенок перестал плакать. Зибба отошла в сторону и, опустив руки, стала у стены.

Худаяр-бек придвинул к себе стакан и, привалившись спиной к постельному тюку, повернулся к Зибе.

- Скажи, девка, мать все плачет?

- Плачет. Совсем ослепла от слез.

- Ха-ха-ха! - громко расхохотался Худаяр-бек. - Чего же она плачет? Вспомнила покойного мужа, Кербалай-Гейдара?

- Нет, - ответила девочка. - Не об отце плачет, о тебе плачет.

- Ха-ха-ха! Неужели так меня любит?

- Нет, не потому плачет, что любит. Пускай, говорит, даст мне развод...

Не успела выговорить девочка эти слова, как Худаяр-бек вскочил, словно ужаленный, и бросился к девочке. Та повернулась к двери, чтобы убежать, но споткнулась о порог и упала. Худаяр-бек стал бить ее кулаками по лицу и голове. Увидя, что у девочки из носа пошла кровь, Худаяр-бек остановился и позвал со двора Велигулу, чтобы тот отвел сестру домой, к матери. После этого он, бледный и задыхающийся, вернулся на свое место. Молодая женщина сидела молча и равнодушно наблюдала всю сцену.

Велигулу взял сестру за руку, и они оба отправились к себе домой.

Почему же Худаяр-бек вышел из себя?

Он вышел из себя, когда услышал слова Зиббы: "Мать говорит, пускай даст мне развод".

Надобно подробнее рассказать об этом.

У Худаяр-бека Зейнаб прожила всего шесть с половиной месяцев и за это время перенесла столько мучений, сколько хватило бы на десяток лет.

Худаяр-бек без конца истязал и изводил ее. Это был на редкость сметливый человек. Мучая ее, Худаяр-бек добивался одной-единственной цели - стать хозяином всего имущества Зейнаб и ее детей, после чего он мог отпустить их на все четыре стороны.

Зейнаб с самого начала догадывалась об этом, но, как ни издевался над ней Худаяр-бек, как ни бранил, как ни избивал, она

стойко переносила все страдания и не соглашалась на его требования.

В конце концов дело дошло до того, что Худаяр-бек раздел Зейнаб и, заперев в темной конуре, держал ее там голодной до тех пор, пока женщина не сдалась.

Камень сожми - и тот станет мягче.

Смягчилась и Зейнаб.

Она согласилась удовлетворить все до единого требования Худаяр-бека, но при одном непременном условии, чтобы, завладев всем, что принадлежало Зейнаб и ее детям, Худаяр-бек дал ей развод и освободил ее. Худаяр-бек согласился и по настоянию Зейнаб даже поклялся на Коране.

Свои наличные деньги Зейнаб частью закопала в землю, а частью отдала на хранение другим. Все эти деньги она отдала теперь Худаяр-беку. Кроме денег, Худаяр-бек получил еще массу всякого добра: золото, серебро, платья, ковры, медную посуду и другие вещи.

Короче говоря, Зейнаб постепенно перенесла в дом Худаяр-бека все, что было накоплено и оставлено покойным Кербалай-Гейдаром. Велигулу ни во что не вмешивался, все время твердя:

- Будь что будет, лишь бы моя невеста была здорова!

Он не только не препятствовал всему этому, но даже поддерживал Худаяр-бека.

Когда наконец Худаяр-бек завладел всем, что принадлежало Зейнаб, ее дочерям и Велигулу, бедная женщина ушла от Худаяр-бека и поселилась в своем доме, где, правда, ничего не осталось, кроме пары старых циновок. Однако Зейнаб казалось, что ангелы вытащили ее из ада и водворили в рай. Когда Зейнаб оставила дом Худаяр-бека, все решили, что она получила развод. Так думали и сама Зейнаб, и Велигулу, но они ошибались. Худаяр-бек не давал и никогда не дал бы ей развода.

О причине этого расскажем несколькими строками ниже.

После того как Зейнаб вернулась к себе, положение ее стало еще тяжелее.

С наступлением весны Худаяр-бек вспахал бывшие ее земли, Затем собрал с них урожай, помолол и засыпал в свой амбар, как

если бы получил это в наследство от своего отца.

Зейнаб с детьми осталась раздетая и голодная, без всякой поддержки. Вскоре умерла ее дочь Физза. Страдания Зейнаб стали еще сильнее. Кто может утверждать, что бедная девочка умерла не от голода? Наконец Худаяр-бек сжалился над несчастной женщиной и, чтобы хоть немного облегчить положение Зейнаб, взял к себе Велигулу батраком, а Зибу служанкой. Он назначил им такую плату, чтобы Зейнаб не умерла голодной смертью.

Худаяр-бек не дал и не решился бы дать Зейнаб развода по двум причинам. Худаяр-бек очень расчетливый человек.

Он не дал бы Зейнаб развода, во-первых, потому, что Зейнаб была еще не так стара, чтобы он хотел вовсе от нее отказаться. Ведь если бы Зейнаб хоть немного любила Худаяр-бека, он и не удалил бы ее из своего дома. Надо быть справедливым, Зейнаб сама виновата в том, что Худаяр-бек отстранил ее от себя. Ведь с того дня, как она поселилась в доме Худаяр-бека, ни разу, ну, ни единого разу она не улыбнулась.

Во-вторых, Худаяр-бек не дал бы Зейнаб развода потому, что боялся, как бы кто-нибудь другой не женился на ней и не стал требовать у Худаяр-бека имущество детей.

По этой второй причине каждый раз, когда речь заходила о разводе, Худаяр-бек приходил в бешенство. Кто бы ни заговорил при нем о разводе, должен был получить свою долю побоев.

Вот почему он избил до крови Зибу и прогнал ее.

Спустя два месяца после того, как Зейнаб переселилась в свой дом, у Худаяр-бека умерла первая жена, и новая жена стала ему просто необходима.

Худаяр-бек уже давно заглядывался тайком на сестру Га-сымали, подумывая о женитьбе на ней. Гасымали согласился, но с условием, чтобы Худаяр-бек выдал за него свою дочь.

Худаяр-бек с готовностью принял это условие.

Велигулу пытался было возражать, горевал, плакал, но из страха перед Худаяр-беком не посмел открыто выступить против. Через некоторое время обида забылась, и Велигулу сам понял, что для него важнее всего думать о куске хлеба, а жениться батраку ни к чему.

Итак, эта молодая напудренная, наумяненная женщина, сидевшая за кюersi, и есть сестра Гасымали и новая жена Худаярбека. Три месяца тому назад она родила дочь. Назвали ее Хошгедем. Это тот самый ребенок, который плакал на руках у Зибы и которого она нянчила.

Велигулу и плачущая Зибa пришли к себе домой. Зейнаб сидела в той самой комнате, которую мы уже з-наем и в которой ничего теперь не осталось; она сидела на ветхом куске паласа и, обняв колени, смотрела в потолок, как бы считая балки. Одежда ее вполне соответствовала ее положению, то есть вся состояла из лохмотьев. И лицо у нее потеряло былую привлекательность. За эти годы она порядком состарилась.

Зибa с плачем вошла в комнату. За ней шел Велигулу. Зейнаб встревоженно вскочила и, стремительно подбежав к двери, спросила, почему она плачет.

Велигулу рассказал. Не переставая плакать, Зибa прижалась к матери. В комнате было темно, поэтому крови на лице девочки не было видно. Велигулу только сейчас вспомнил, что Зибa может вымазать мать кровью, и сказал матери:

- Мама, у Зибы кровь из носу шла. Смотря, запачкает тебя.

Обнимая Зибу, Зейнаб почувствовала, что платье ее влажно, но подумала, что это от слез.

- Мама, ведь Зибa всю тебя кровью вымазала! - повторил Велигулу.

Зейнаб ничего не ответила.

Велигулу вышел. Скоро стемнеет, а надо еще напоить скотину. Опоздай он, Худаярбек поднимет скандал.

Поплакав немного, Зибa уснула на руках у матери.